

Н.Эйнгорн

**УРАЛЬСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И КРАЕВЕДЕНИЕ.
ГИПОТЕЗА. РЕАЛИИ. ПЕРСПЕКТИВА?**

г. Екатеринбург

АННОТАЦИЯ

Историческое своеобразие уральского региона, его трудовых и духовно-нравственных традиций является благодатной почвой для изучения специфики «уральского характера», духовно-нравственного склада уральцев, условно называемого понятием «уральский менталитет».

Гражданственность, патриотизм, историческая память и историческая ответственность – его неотъемлемые качества.

Издание представляет специальный интерес для организаторов краеведческой работы и краеведов, школьников – участников краеведческих отрядов, музейных и социальных работников.

Оно может служить также информацией к размышлению и творческой дискуссии по проблемам самоопределения уральцев в современной исторической ситуации, может быть полезно педагогам всех уровней и сфер образования, юношам и девушкам «обдумывающим житье».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Нелегкая судьба быть человеком.

1. Менталитет. От таинственного и неведомого – к явному и познаваемому.
2. Духовность – дыхание жизни. Вера. Надежда. Любовь.
3. Духовность. Ментальность. Нравственность.
4. Кто мы? К проблеме этнического самоопределения.
5. Идея родной нации и национальное самоопределение.
6. С чего начинается Родина? Может ли она быть Малой и Большой?
7. Лики патриотизма и насущность его пробуждения.
8. «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан!»
9. Урал – опорный край Державы: нравственный потенциал.
10. Уральский менталитет и самоопределение уральского народа.
11. Уральский менталитет – смыслообразующая проблема краеведческого движения «Каменный пояс»

Заключение

Список литературы

Приложение

ВВЕДЕНИЕ

Нелегкая судьба – быть Человеком

«Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если мы с ней не справимся, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека»

Карл Ясперс. Духовная ситуация времени.

Современная духовная ситуация чрезвычайно многогранна и противоречива. Мы приближаемся не только к рубежу столетий, но и к рубежу тысячелетий. Это накладывает на нас, современников этого грандиозного рубежа огромную ответственность по осмыслению Прошлого, Настоящего и ответственных раздумий о Будущем. На своеобразие исторической эпохи накладываются специфические проблемы современного состояния России и происходящих в ней изменений. Духовная, морально-нравственная ситуация в нашем обществе характеризуется резкой сменой ценностных доминант, приоритетов. На смену абсолютного первенства общественных интересов и целей все активнее приходят личные интересы и цели; идеалы и ценности коллективизма активно вытесняются индивидуализмом и эгоизмом, что, в свою очередь, ведет нередко к смене созидательных ориентаций на потребительские жизненные ориентации. Культ удовольствий и наслаждений жизнью все менее противостоит аскетический культ служения другим, обществу; патриотизм нередко заменяется на национальный эгоизм, а интернационализму все более противостоит война за национальные автономии и суверенитеты; высокий, в недалеком прошлом, уровень социальной активности наших соотечественников превращается сегодня либо в квиетизм (смирение с действительностью, пассивность), либо в эскапизм (активные и пассивные формы бегства от действительности: секс, наркомания, алкоголизм, проституция, преступность); благоговение перед Высшим идеалом ниспровергается скептицизмом и нигилизмом; а на смену оптимизму нередко приходит пессимизм.

Разрушена прежняя система морально-нравственных, духовных ценностей, ориентаций. Исчезла перспектива, вертикаль, идеалы. Состояние сознания и души наших соотечественников сравнимо с состоянием человека, сорвавшегося со склона горы, по которому он упорно и вдохновенно стремился к вершине социального и индивидуального совершенства. Падение, удар, потрясение, растерянность, физические и душевные страдания – это травматический синдром, переживаемый российским человеком и российским обществом.

Мы ринулись к духовности, мы жаждем ее, мы связываем с ней надежды на спасение и возрождение. Нас манит очищающая и возвышающая сила духовности. Мы чувствуем в ней возможность новых перспектив и высот. Но, тогда почему: «Я чувствую непобедимость страха в присутствии таинственных высот?» (О.Мандельштам). Почему стремление к свободе сопровождается бегством от нее? Почему так распространено негативное обнаружение духовности: страдание, потерянности, тоска, тревога? А бездуховность самодостаточна в своей

ограниченности, самодовольна, безмятежна и, в этом смысле, бесконфликтна и комфортна. К высотам духовности через жертвенность и аскетизм прорываются немногие, а в гедонистической бездуховности живет большинство.

Так стоит ли открывать человеку истины, лишаящие его безмятежности и покоя? Оправдано ли, помещать человека по непосильный пресс духовности? Может быть, положиться на житейскую мудрость: «Желающего судьба ведет, а нежелающего тащит» и тем самым оправдать и узаконить принудительный путь к праведной жизни? Кто судья и вершитель справедливости? Вселенский Логос? Абсолютный дух? Бог? Кто волен подталкивать человека к безграничности и неисчерпаемости духовности? Зачем эмпирически конечному, телесному существу бесконечность и беспредельность? Каждый ли носитель сознания способен к духовности? И стоит ли тянуть человека в заоблачные выси, если ему хорошо и удобно на Земле?

Как много проблем и вопросов рождают размышления о Духовности! «Человек! Это звучит гордо!» - восклицает М.Горький устами одного из своих героев. Но реальность заставляет нас изменить эту крылатую фразу: Человек! Должно звучать гордо! Потому что Человек – это Чело и Век, носитель вечного и, в этом смысле, высшего разума. А это ко многому обязывает, хотим мы этого или не хотим, признаем или не признаем. Вот почему, быть человеком – действительно нелегкая судьба. Независимо от возраста и пола, профессиональной и национальной принадлежности, от места жизни и от многих других индивидуально-психических, нравственных различий, мы объективно – со-родичи.

Мы принадлежим единому роду человеческому, мы представляем собой единство многообразного. Так имеем ли мы право не знать, не помнить об этом объективном единстве и родстве? Имеем ли мы право от незнания или беспамятства разрушать эти родственные связи? И разве не ответственны мы перед Прошлым и Будущим за наше Настоящее, за сохранение, умножение и передачу потомкам выстраданных человеческих ценностей? И, если мы в своей современной жизни все больше начинаем ориентироваться на пользу и успех, на утилитарность и прагматизм, так не является ли утилитарностью и высшей прагматикой наше настоящей, а тогда, и будущей жизни?

Духовность, ментальность, менталитет, все чаще начинают звучать эти загадочные понятия, несущие в себе пока не открытые тайны.

МЕНТАЛИТЕТ

От таинственного и неведомого к явному и познаваемому

Что же кроется за звучным словом «менталитет»? Является ли оно красивым синонимом термина «духовность», или имеет свое специфическое содержание и смысл? Обратимся к малочисленной пока литературе, в которой предприняты попытки определения этого понятия. В Современном словаре иностранных слов (М. «Русский язык», 1992) очень кратко отмечено: «Менталитет (фр. Mentalite') – склад ума; мироощущение, мировосприятие; психология». Как видим, несколько значений, хотя и пересекающихся, но, все же, и довольно различных. И только терминологическое разъяснение без попытки дать определение.

Более обстоятельное рассмотрение понятия «Менталитет» и родственного ему понятия «Ментальность» мы находим в словаре «Современная западная философия», М., 1991. Авторы словаря утверждают, что понятия «ментальность» и «менталитет» происходят от латинского *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад. Означают эти понятия глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное. Менталитет – совокупность готовностей, установок и предрасположений индивида и социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Менталитет формируется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания человека и сам, в свою очередь, их формирует, выступая как порождающее сознание, как трудноопределяемый исток культурно-исторической динамики. Фиксируя устойчивую настроенность внутреннего мира человека, сплачивающую его в социальные группы и исторические общности, менталитет, в то же время, служит пониманию исторической динамики развития общества и общностей.

Концепция коллективного менталитета воплощена в понятии «социальный характер», предложенном Э.Фроммом в его работе «Бегство от свободы» (1941). Фромм утверждает, что все социально-экономические и политико-идеологические мотивы активности людей имеют шанс на успех в истории лишь при условии их резонанса с социопсихологической аурой групп, коллективов, общностей.

В конкретных исследованиях различают историко-временные типы менталитета, ментальности: древневосточный, средневековый, новоевропейский менталитет. Наряду с этим выделяют особенности половозрастной ментальности: детская, старческая (геронтическая), мужская, женская. Оправдана классификация менталитета по характеру власти и властвования: тоталитарный, авторитарный, бюрократический и т.д. Все больше исследователей привлекает классификация менталитета по геополитическим и национальным признакам: африканский, американский, французский, английский, русский.

Небезынтересно определение менталитета, данное в работе Л.Н.Гумилева «Этносфера. История людей и история природы». В словаре понятий и терминов теории этногенеза Л.Н.Гумилева», приведенном в конце книги, мы читаем: «Ментальность – особенности психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность. М. предстает перед нами в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, являясь существенной частью **этнической традиции...** В суперэтносе, где наблюдается разнообразие стереотипов поведения, М. является основным консолидирующим фактором».

Эта консолидирующая, объединяющая людей способность ментальности очень точно выражена русским философом Н.Федоровым. В своей работе «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства» он призывает: «Жить не для себя, ни для других, а со всеми и для всех». По Н.Федорову, ментальность предстает способом преодоления «немирного состояния мира, средством восстановления родства», утраченного или утрачиваемого людьми, общностями, народами в бурном и противоречивом жизненном процессе.

Вернемся к Л.Гумилеву. Масштабы нуждающегося в восстановлении и поддержании родства различны: «В наше время известно, что каждый человек – член этноса, этнос входит в биоценоз своего географического региона, являющегося фрагментом биосферы планеты Земля. Земля, в свою очередь, входит в состав солнечной системы – участка Галактики и Метагалактики.

Таким образом, мы все сопричастны Вселенной, но путем иерархической совместимости макромира с микромиром.

Иными словами, существует иерархия сфер бытия человека, этносов, суперэтносов, человечества в целом. И это реальность, а не абстрактное теоретизирование. И каждый уровень бытия требует согласованности с другими уровнями, а это, в свою очередь, необходимо для сохранения и самосохранения народов, наций, человечества. Единство суперэтноса проявляется в наличии общей ментальности, консолидирующей зачастую весьма разные этносы в единую общность-суперэтнос. И здесь мы выходим на важнейшую характеристику менталитета – дух, духовность. Известный философ Ортега-и-Гассет Х. В своей книге «Восстание масс» справедливо утверждает: «Без «власти духа» человеческое общество обращается в хаос».

ДУХОВНОСТЬ – ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

Вера. Надежда. Любовь.

Уточним понятия «дух», «духовность», без которых невозможно уяснить природу менталитета. Духовность – это специфическое человеческое качество, оно характеризует мотивацию и смысл деятельности на основе ценностного отношения к действительности. Понятие «духовность» производно от понятия «дух». Эти термином издавна обозначалось то, что противоположно основе бытия – «материи». Слова «дух», «душа» в корневой основе восходят к «дыханию» – признаку, который отличает жизнь от смерти. Философско-религиозная мысль сделала «дух», «духовное», «духовность» главными своими понятиями. Служители культа стали именоваться «духовенством». В христианской традиции духовность противопоставляется душевности – совокупности всего того, что не выходит за пределы психических процессов (знаний, чувств, воли).

Такое противоположение духовного душевному основывалось на вере в то, что в человеке есть нечто, не сводимое ни к телесному, ни к душевному (психическому). В отличие от «душевного», «духовное» очищено от своеволия, себялюбия, чувственности, агрессивности. Поэтому духовность в христианской этике связывается с внутренней чистотой и умиротворенностью, со скромностью и послушанием: она нелицемерна и бесстрашна. Но это особая духовность, пронизанная смирением, покорностью и служением Богу.

Многое в светской, нерелигиозной духовности совпадает с религиозной духовностью: чистота помыслов, миролюбие, толерантность (терпимость) к другим, стремление к Абсолюту (не божественному), к совершенству, ориентация на Разумное, Доброе, Вечное, на Веру (нерелигиозную), Надежду, Любовь.

Подлинная природа духа и духовности нуждается в углубленном философском, естественнонаучном осмыслении, изучении, конкретизации. Но уже сегодня известны критерии различия духовности и бездуховности, различных куль-

турно-исторических типов духовности: Западная, Восточная и т.д. Есть основания различения духовности светской и религиозной. **Светская духовность** основана на **автономии человеческого духа** (саморазвитие, самоконтроль), а **религиозная** – на **гетерономии человеческого духа**, на его ориентации на высший божественный авторитет, на веру в сверхъестественное чудо и на неверии в самостоятельные, не определенные единство только богом, способности человека к разумной, благородной и возвышенной жизни.

В основе подлинной духовности и лежит необходимость и способность человека к Возвышенному, к тому уровню совершенства, который позволяет преодолевать эгоистические порывы, разъединяющие людей и толкающие их к противостоянию, конфликтам, вражде. Духовность оберегает человека от корыстной утилитарности, от неразумных потребностей, безграничных удовольствий и наслаждений, от всевозможных проявлений рабства индивидуализма и эгоизма, рабства собственности и денег, рабства аристократизма, рабства национализма и многих других рабских зависимостей человека, унижающих его достоинство.

Подлинная духовность проявляется в интуиции родства со всем миром: природным, социальным, космическим. В духовности проявляется открытое, универсальное отношение человека к миру. И Вера, как универсальная, общечеловеческая ценность, как важнейшее воплощение духовности, есть априорное (до опыта, вопреки опыту) принятие мира для себя. Вера, доверие – это чувство единства с миром, соприродности с ним. Мы принадлежим миру, мы естественная часть этого мира и у нас нет причин не доверять этому миру. Верность – наше существование для мира (прототип служения и ответственности).

Любовь – центр духовности, сознание и чувство идентичности (тождественности) мира человеку и человека миру. Благоговение перед миром, признание его абсолютной ценности. Единение с миром. Переживание того, что жить – значит отдавать.

Надежда – синтез Веры и Любви, своеобразное упование на положительное продление Настоящего в Будущее. Это Вера, спроецированная в Будущее, Вера в это самое Будущее и Любовь к нему как к продолжению Жизни.

Духовность проявляется не только в отмеченных ценностных отношениях и жизнепродлевающих потребностях: потребность самодетерминации, самополагания, самоуправления; потребность внутренней целостности и гармонии; потребность самоосуществления в мировом пространстве, потребность осмысленной ориентации в мире.

Иными словами, духовность задает иной масштаб бытия человека – не только в природе и обществе, но и в Универсуме, во Вселенной. А это иное мироощущение, мироотношение, иная степень ответственности за реальную земную жизнь, крайне далекую от того совершенства, гармонии, высшего смысла, о котором и призвана напоминать человеку Духовность.

ДУХОВНОСТЬ. МЕНТАЛЬНОСТЬ. ПРАВСТВЕННОСТЬ

Сердцевиной Духовности, ее реальным ценностным воплощением является нравственность, т. к. именно она всегда была направлена на сохранение «человеческого в человеке», на развитие человека разумного (*Homo sapiens*) до человека морального (*Homo moralis*). А различие между ними в том, что человек разумный – это развитая способность целеполагания, это осознание потребностей и поиск путей их удовлетворения, это способность к творчеству, созиданию, но... и к разрушению. Разум, к сожалению, довольно часто оказывается не на службе Добра, а на службе Зла, разрушения, корысти, зависти, ненависти. Бесспорно, здесь присутствует и неправильное осознание человеком сущности своей жизни, а точнее недосознание. А препятствует этому стремление жить сиюминутными потребностями, целями, думать о ближайших потребностях и интересах, сосредотачиваться, прежде всего, на себе, а часто только на себе. Разум, неумудренный нравственностью, это просто интеллектуальная сила, это могучее оружие, которое может быть использовано нередко и в антигуманных целях.

Нравственность и есть напоминание о том, что человек «есть мера всех вещей» (Протагор), «ценностный центр всего» (М.Бахтин) и разум дна человеку для развития, совершенствования, для успешного утверждения достойной человека жизни. А это значит, жизни, основанной не только на холодной рациональности, способной подсказать человеку: «Падающего подтолкни!» (Ф.Ницше), чтобы он не мешал разумного, расчетливому человеку беспрепятственно и успешно двигаться к поставленной цели, постоянно умножая свою мощь и приближаясь к идеалу Сверхчеловека, идеалу властителя мира.

Мораль, нравственность задают человеку совсем другой смысл: «Нравственность не барство и не рабство, а родство» (Н.Федоров). Это напоминание о равнодостоинности людей, а не о власти одних над другими. И эта утверждаемая нравственностью равноценность, равнодостоинность и есть основа единения, солидарности, взаимного служения и взаимной любви отдельных людей, народов, наций, этносов и суперэтносов. У русских философов это идеал единого и гармоничного в своей соборности Богочеловечества.

Конечно, это далекие от реальности образы гармонии и совершенства человеческого рода, чрезвычайно далекие и, на первый взгляд, кошунственные на фоне сегодняшнего «страждущего и беснующегося человечества» (Е.Трубецкой). Но не потому ли оно страдает и беснуется, что утратило ориентиры, путеводную нить, Идеал, Вертикаль восхождения и развития. Горизонталь, повседневность, обыденность, приземленность, жизнь по принципу «здесь и сейчас», жизнь, прежде всего, для самого себя, а часто и только для самого себя, хотя и способна принести человеку ощущение комфорта, удовольствия, наслаждения, является опасной, т.к. отдаляет одного человека от другого, разъединяет их, обедняет жизнь, делает ее ограниченной, тупиковой, конечной, лишает перспективы, а значит и смысла.

Духовность, ментальность проявляются в смысложизненных раздумьях. В размышлениях, в смысложизненных переживаниях, в смысложизненных ценностных ориентациях, в стремлениях к Разумному, Доброму, Вечному.

Что придает жизни смысл? Ведь человек конечен, смертен. Но жизнь его может быть продолжена в написанной книге, в посаженном дереве; в рожденном и воспитанном потомстве и во многом другом. И после смерти человек, проживший плодотворную достойную жизнь, продолжает жить в благодарной памяти потомков. Значит еще одним воплощением духовности, ментальности является Память.

В Екатеринбурге на Ивановской кладбище есть Мемориал, увековечивающий память о погибших во время гражданской войны. На нем начертаны поразительно волнующие слова: «И мертвые мы будем жить в частице Вашего великого счастья, ведь мы вложили в него свою жизнь». Каждое поколение как бы прорастает в жизнь последующих поколений своим вкладом в счастье этих новых последователей их жизни. И человечество живо до тех пор, пока эта эстафета лучшей жизни передается от века к веку, от тысячелетия к тысячелетию.

В фильме «Земля Санникова» звучит песня, а в ней такие мудрые слова: «... Есть только Миг между Прошлым и Будущим! Именно он называется Жизнь!» Действительно, жизнь человека мгновенна в сравнении с Вечностью. Но нельзя забывать, что Вечность и складывается из этих мгновений: «Не думай о секундах свысока! Настанет день, и сам поймешь, наверное...» - звучат эти слова в раздумьях главного героя уже другого хорошо знакомого всем телесериала. И далее: «Мгновенья раздают: кому – позор, кому – бесславие, а кому – бессмертие».

И каждый является связующей нитью между Прошлым и Будущим, микроскопическим проводником. Что перейдет по этому проводнику от прошлой жизни к будущей? Доброе или злое? Разумное или неразумное, бессмысленное? И будет ли продолжаться жизнь человеческого рода? Насколько крепки и надежны нити, связующие разные жизненные времена, разные периоды человеческой истории? Не обрываются ли они с жизнью каждого человека живущего только для себя, для своего счастья? Не нарастает ли число таких оборванных нитей? И вправе ли человек жить только своей жизнью, не зная и не чувствуя долга и ответственности перед Прошлым и Будущим?

Поэтому и существует еще несколько воплощений духовности и ментальности – это **историческое сознание человека**, его способность к исторической самоидентификации, к пониманию того, в какое время он живет, какие требования предъявляет человеку это время.

Развитое историческое сознание проявляется у человека в способности и потребности исторического, панорамного мышления в понятиях исторического пространства и исторического времени. А ценностным воплощением исторического сознания являются:

1. **Историческая сознательность** – адекватное знание истории и адекватное воплощение ее законов в деятельности и отношениях.

2. **Историческая память** – неравнодушие к Прошлой истории, настоящей и будущей; стремление не забывать печалей, горестей и трагических уроков истории, стремление сохранить и передать другим поколениям все лучшее что укрепит человеческий род.

3. **Историческая ответственность** – осознаваемая и переживаемая человеком *сопричастность истории* во всех ее измерениях, сорадость за все доброе

и прогрессивное; сострадание неудачам и потерям; чувство своего *исторического долга* перед людьми прошлых и будущих эпох и стремление воплотить этот долг в любви-заботе о благе и счастье современников и будущих поколений.

И гарантией такого возвышенного уровня развития и воплощения духовности являются Бескорыстие и Совесть. Бескорыстие – как отсутствие мотива выгоды, мотива воздаяния в человеческих помыслах и поступках. Восклицание римского стоика Сенеки: «Высшей наградой за добродетель является сама добродетель!» Можно дополнить: и благодарная память потомков, и продолжающаяся жизнь человеческого рода. И Совесть, как строгий внутренний судья, как недремлющее око, как способность человека встать на общественно значимую точку зрения в оценке своих намерений и действий (со-весть), как способность «единой и единственной ответственности» (М.Бахтин) всех и каждого за происходящее в мире.

Нравственность – универсальный ценностный носитель духовности, ментальности не только потому, что она определяет совершенство внутреннего мира человека как микрокосма, но она есть одновременно связующее звено с макрокосмом, с Универсумом: «Нравственность связана с потенциальной универсальностью человека как трансцендирующего бесконечного существа и поэтому ее принципы безусловны и всеобщы». Трансцендирующий (лат. – *transcendens, transcendentis*) – выходящий за пределы опыта, за границы реального бытия, реального познания. Без этой способности человек может остаться замкнутым на самом себе, своих видимых проблемах и никогда не достичь уровня нравственного, духовного совершенства: «Нравственный смысл и содержание целостного развития человека заключается, прежде всего, в таком расцвете нравственной культуры, преемственно вбирающем в себя все обретения духовной истории человечества, которые делают его всесторонне открытым и универсально способным к проблематизации своего мира. Это значит, что человек непрестанно расширяет границы своего мира, непрестанно обогащает его многомерность, становясь, все более отзывчиво внимающим всем иным тяготам и заботам (а не только тем, что аналогичны его собственным), всем иным тревогам и трудностям, задачам и поискам. Это значит, что он все лучше научается принимать несовершенства, беды и язвы других – за свои собственные несовершенства, за такие, которые требуют его собственных усилий для их созидательно-положительного превозможения. Это значит, что он все полнее и полнее приемлет противоречия, пронизывающие мир, за свои собственные противоречия, за антимонии, пронизывающие сердцевину его собственного бытия».

Нравственность человека одновременно и конкретна (ибо определяет его отношение к себе), к другому человеку, к обществу, к природе, космосу, прошлому, настоящему, будущему), и всеобща, универсальна, беспредельна. Она определяет и конкретные качества (честь, достоинство, ответственность), поступки человека, и его универсальные и всеобщие связи с миром, с Универсумом, осмысленное отношение к исторической роли и ответственность человека. Эта иерархия взаимоотношений человека убедительно представлена русским философом Владимиром Соловьевым в его книге «Оправдание добра». Он выделяет три основных отношения: отношение человека к тому, что ниже его (к его телесности, его влечениям и страстям). Главное нравственное качество, лежащее

в основе этого отношения – Стыд. Только устыдившись своей порочности человек может нормально развиваться.

Второе отношение – отношение к тому, что равно человеку, т.е. – к другому человеку. Главное качество этого отношения – жалость, которая через сочувствие, сострадание приводит человека к любви к ближнему. А это уже основа и условие формирования третьего отношения к тому, что выше человека. Это Бог. Хотя в нерелигиозном мировоззрении это может быть некий Абсолют. Идеал совершенства, гармонии, возвышенная беспредельность бытия. Это отношение проявляется в очень сложном нравственном качестве – благоговении. Тут и любовь, и трепет, и святость.

Благоговение (см. например, этику благоговения перед жизнью Альберта Швейцера) – это и реально переживаемое человеком состояние и в то же время что-то неземное, устремляющее его в заболочные выси, в мир высокий, тонкий, ментальный. В учении Живой этики (Агни-Йога) у человека выделяется семь уровней развития (семь тел). Ментальный уровень – это уровень проникновения в сущность вещей сверхлогическим путем, сверхрациональным, на основе чувствознания, мгновенного озарения, т.е. интуиции. Ментальный уровень – это шестой уровень, одухотворенный ум. Седьмой уровень – это уровень Духа, это высшее «Я» человека, его бессмертная сущность, его истинная сущность, «Зерно Духа», потенциальная беспредельность человека.

Современные достижения теоретической физики расчетами доказывают реальность (а не мистичность, не сверхъестественность) духовной беспредельности (универсального поля сознания), в которой накапливается и сохраняется жизненно важная информация. И в физике выделяется ментальный уровень мира, где существуют сверхмалые частицы (условно называемые психонами), которые и являются сгустками энергии, информации, и гипотетично могут рассматриваться, как реальные носители духа (см. журнал «Сознание и физическая реальность»). Кстати, уже немало положений Живой этики, считающейся мистическим учением, подтверждено новыми парадигмами физической теории, что еще раз убеждает в том, что мистическое – это не колдовское, не сатанинское, а лишь до поры до времени не познанное и не объясненное, таинственное. Но тайное рано или поздно становится явным. Так и духовность, как воплощенный в человеке дух, проявляется и в конкретный духовно-нравственных качествах человека (они были рассмотрены выше), и в беспредельном стремлении к гармонии и совершенству через реальное преобразование человека и Мира.

Итак, подведем некоторые итоги. Мы убедились в том, что духовность, ментальность, нравственность – взаимосвязанные, но не совпадающие полностью характеристики субъекта, иначе не надо бы было трех слов. Нам еще раз необходимо подчеркнуть их своеобразие потому, что ментальность и менталитет, по нашему мнению, – не одно и то же. Это разные свойства человека, народа, нации.

Духовность – это свойство человека, представляющее собой высший уровень развития сознания, всех его сфер: интеллектуальной, чувственно-эмоциональной, волевой. Главное отличие духовности в способности мыслить надындивидуально, надсубъектно, выходить за пределы собственных потребностей, интересов, нужды других людей как свои собственные, а скорее – значи-

мые, выше своих собственных. Это и есть способность выходить за пределы Настоящего в заботливом отношении к Прошлому и Будущему.

Это – созидательное смысложизненное беспокойство и тревога. Это – романтическая способность вознестись над действительностью, но не с высокомерием и чванством, а с желанием и стремлением к Лучшему, Высшему, к Идеалу совершенства.

Ментальность – одно из проявлений духовности, ее неотъемлемая часть. Воплощается ментальность в устремленности к Будущему, в желании вырваться из плена Прошлого и Настоящего.

Ментальность – это высшая энергия духовности, ее высшее напряжение, возникающее из недовольства Настоящим и желания преодолеть несовершенства Настоящего в Гармонии Будущего. Ментальность – это тоска по сущности бытия (по главному и необходимому в нем), тоска по Совершенству, тоска по Беспредельности, Вечности. Отсюда и то ощущение чего-то нереального, сверхъестественного, когда мы произносим слово «ментальность».

Менталитет – специфический душевно-духовный склад, душевно-духовное мировосприятие и мироотношение. Это специфическая интегральная характеристика субъекта (отдельного человека, группы, общности, народа, нации), подчеркивающая реальное своеобразие этого субъекта, его отличие от других субъектов. Воплощается менталитет в системе ценностных ориентаций, в системе чувств, убеждений, характерных именно для данного субъекта. Это свойство его души и духа, определяющие жизненную позицию, жизненный путь через конкретные отношения к себе, к другому, к обществу, к другим народам; к природе; к прошлому, настоящему, будущему.

Но доминирует в менталитете актуальные жизненные установки и жизненные проявления. Это душевно-духовная жизнь в настоящем, в повседневности, прежде всего. Устойчивые, повторяющиеся черты менталитета определяют характер человека, народа, нации и т.д. Характер проявляется в практической деятельности и практических отношениях отдельных людей, народов, этносов, суперэтносов.

Жизнь в настоящем – специфическая черта менталитета. Отсюда забота о настоящем, о реальном благополучии. Обращенность к прошлому и будущему в менталитете присутствует, но лишь как необходимое условие укрепления жизни в настоящем времени. Отсюда – укорененность менталитета в реальных жизне-сохраняющих и жизнеукрепляющих потребностях.

Носителем менталитета, как было уже отмечено, может быть и отдельный человек. Но наиболее употребимо понятие «менталитет» все же для выражения особенностей психического склада, мировоззрения общности людей, входящих в ту или иную этническую целостность. Поэтому, для характеристики менталитета значимо то, что он является существенной частью этнической традиции, культурных канонов. Интегрируя специфические черты, присущие данной конкретной общности, менталитет одновременно отличает эту общность от других общностей и является основным объединяющим, консолидирующим фактором внутри общности. Менталитет определяет специфику национального характера различных этносов, этнокультурных общностей – естественно сложившихся форм коллективного существования людей. Ментальность может быть духовным про-

должением менталитета того или иного этноса, а может и не сформироваться, отсутствовать. Поэтому менталитет может быть без ментальности, а ментальность всегда связана с менталитетом и представляет высший уровень его проявления, высший уровень духовности, духовной консолидации различных этносов. Но необходимым условием такого объединения различных видов народов, этнических общностей является этническое самоопределение, понимание того, что есть это коллективное этническое «Я», и уже после этого можно осознанно стремиться к этническому «Мы», т.е. к союзу различных этносов в целях взаимного укрепления и обогащения. Но этому обязательно должно предшествовать этническое, этнокультурное, национальное самоопределение.

КТО МЫ? К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Л.Н.Гумелев определил этнос в самом широком смысле слова как «форму вида *Homo sapiens*». Этнос имеет три основных признака:

1. Жесткая связь с кормящим ландшафтом (Родина).
2. Адаптация через несколько поколений к природным условиям (кормящему ландшафту), превращение Родины в Отечество.
3. Творческая активность членов этноса.

«Сочетание трех координат образует «этнос», характеризующийся оригинальными стереотипами поведения и неповторимой внутренней структурой». Этнос – это естественно сложившаяся форма коллективного существования людей.

«Отличительной чертой этноса является деление мира надвое: «мы» и «не мы», или все остальные. Этносы иногда дружат, иногда враждуют; этноним (Н.Э.: имя этноса, суперэтноса, например: россиянин) помогал отличать друзей от врагов»

Но вражда – совсем не обязательная форма отлучения себя от другого: «отдельные этносы не изолированы друг от друга, но образуют как бы этнические «галактики»... люди желают жить в мире, но порознь».

Каждый этнос имеет свой этнический ритм – пассионарное поле, по которому один этнос отличается от другого.

Пассионарность – от латинского *passio* – страсть. Импульсами пассионарности создаются и сохраняются этносы, исчезающие, как только слабеет пассионарное поле, пассионарная энергия. Это энергия сознания, души и духа различных народов. Пассионарность проявляется в потребности и способности изменять окружающую среду, в повышенной жизненной энергии, в способности к сверхнапряжению, в потребности служить другим, а, при необходимости, и в готовности к жертвенности. Носителей пассионарности Л.Н.Гумелев называет пассионариями. Ими могут быть как отдельные люди, так и целые народы-пассионарии.

Есть основания предположить, что пассионарность – это не только повышенная биологическая, психическая, социальная энергия ее носителя, но и повышенная духовная энергия, т. е. ментальность. Она дана не каждому, но, зная

это, этот вид духовной энергии можно сознательно накапливать, развивать, совершенствовать.

Но осложняется эта возможность наличием людей и даже целых народов, которых Л.Н.Гумелев относит к субпассионариям: «наряду с пассионариями... появляются субпассионарии – особи – абсорбирующие (Н.Э. – поглощающие) меньше энергии, чем требуется для уравнивания потребностей инстинкта. Им все трудно, а желания их примитивны: поесть, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские лаццарони, бродяги, описанные М.Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбы, нарвать в лесу плодов для любимых детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табаку, курят... и счастливы.

Субпассионарии существуют повсеместно, но очень различны. Близкие к оптимизму составляют *кадры преступников и проституток*. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает даже на то, чтобы мечтать. Эти особи за пределами нормы.

Субпассионарии отнюдь не так *безобидны*, как может показаться. Для них характерна безответственность и импульсивность. Им нельзя ничего доверить, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить любое дело, даже государственное или общественное. Ради сегодняшней выгоды они уничтожают кормящие ландшафты, обрекая на голод своих потомков. Будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. А тех, кто пытается их вразумить, они убивают. Этот процесс особенно отчетливо виден в истории Римской империи III-IV веков. Не рабы и не варвары, и не христиане погубили Рим, а любители цирковых зрелищ, бездельники, которых кормили даром. Ведь именно ради них истребляли население провинций и природу собственной страны – Италии, где дубравы не восстановились доселе, а склоны Апеннин заросли колючим кустарником».

Продолжение характеристики субпассионарности мы находим в конце книги в Словаре понятий и терминов. *Субпассионарии* (особи энергодефицитного типа) – люди, которые в силу неспособности абсорбировать из окружающей среды достаточное количество энергии не могут полностью адаптироваться в среде. **Субпассионарность** (недостаток энергии) проявляется в неспособности сдерживать инстинктивные вожеления, асоциальном поведении, паразитизме, недостаточной заботе о потомстве. Люди такого типа хорошо известны во все эпохи и встречаются практически во всех этносах. Их называют бродягами, отбросами общества, босяками, «бомжами» и т.д. Обычно они скапливаются в крупных городах, где есть возможность жить не работая, а паразитируя и развлекаясь. Такое сосредоточение субпассионариев приводит к громадному росту алкоголизма, ситуативной преступности, наркомании, стихийных беспорядков. Все это следствия основной черты субпассионариев – неспособности контролировать свои вожеления, даже если их удовлетворение идет во вред себе и окружающим.

Относительная доля субпассионариев в составе этносов закономерно меняется по фазам этногенеза, резко возрастая в фазе надлома и достигая максимума в обскурации (снижении общей активности этноса).

Субпассионарии играют в этногенезе, по сути дела, *энтронийную роль*, *увеличивая хаос* и почти не производя полезной работы.

Таким образом, процесс этнического самоопределения чрезвычайно сложен, длителен и имеет различные результаты. Но эти результаты в немалой степени зависят от национального самосознания и стремления к национальному самоопределению.

ИДЕЯ РОДНОЙ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Русский философ Иван Ильин справедливо предостерегал: «Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа». Человек, лишенный идеи родной нации «обречен на духовное сиротство или безродность... Горе ему и его детям: им грозит опасность превратиться в исторический песок и мусор».

Какой образный, взволнованный и убедительный призыв к уяснению своего родства, своих национальных корней. Национальное безродство и сиротство аналогично личному сиротству, отсутствию корня, дающего человеку устойчивость и уверенность в себе, необходимое чувство привязанности к родителям, народу, Родине. Необходимо понимание особенностей своего национального «Я», своего национального характера: «Национальный характер – это представление народа о самом себе, это, безусловно, важный элемент его народного самосознания, его совокупного этнического «Я». И представление это имеет поистине судьбоносное значение для его истории. Ведь точно также как отдельная личность, народ, в процессе своего развития формируя представление о себе, формирует себя самого и в этом смысле – свое будущее».

Наши соотечественники-философы много и интересно писали о русском национальном характере, о русской душе: «В типической русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитренности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест... В ней есть какой-то особый, совсем не западный демократизм на религиозной почве, жажда спасения всем народом».

Русскую душу нередко называют загадочной, предполагая в ней некую тайну, некое особое судьбическое значение для самого русского народа и для других народов и государств: «Излишне объяснять, что осознание национальной идеи не включает в себе никакого фатализма. Чувствование света в себе и проникновение к голосу этого света, к его тайному зову не есть чувствование внешней неизбежности, уничтожающей свободу личного и общественного делания. Именно свободного самоопределения требует от нас время: раз но может определить себя и воплотить в действие свою глубочайшую волю наша всенародная душа. Так я затрагиваю великий и сокровенный вопрос о мистическом значении нашего самоопределения в сокровенный вопрос о мистическом значении нашего самоопределения в ближайшем будущем. Мистики Востока и Запада согласны в том, что именно в настоящее время славянству, и в частности России, передан некий светоч; вознесет ли его наш народ или выронит, - вопрос мировых судеб. Горе, если выронит, не для него одного, но и для всех; благо всего мира, если

вознесет. Мы переживаем за человечество – человечество переживает в нас великий кризис.... Поистине «всякий за всех и за все виноват»: и наша хотящая и не могущая освободиться страна подвизается и изнемогает за всех».

В этих рассуждениях главной является идея особой ответственности «за всех и за все», что происходит. Это не самовозвеличивание, а фиксирование готовности служения не только сородичам, но и другим народам.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА? МОЖЕТ ЛИ ОНА БЫТЬ «МАЛОЙ» И «БОЛЬШОЙ»

С чего начинается Родина? С малого – «с картинки в твоём букваре... А может она начинается с той песни, что пела нам мать? С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять?» Или с березки, с рябины, с куста ракиты рад рекой – «Край родной, навек любимый! Где найдешь еще такой?» Милые, всегда памятные песни нашего детства, юности, зрелости. Они – тоже частица нашей Родины. Почему размышление о Родине всегда вызывают душевный трепет, будь то радость или боль за нее? Может быть потому, что: «Родина есть священная тайна каждого человека, также как и его рождение... Человек существует в человечестве и в природе. И образ его существования дается в его рождении и родине...

И теперь, когда я пишу эти строки и собираю свои чувства и свою любовь к ней, в душе моей звенит этот голос вечности. И поистине родину можно и должно любить вечною любовью». «Родина – святыня для всякого, и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна».

В этом духовное оправдание привязанности и любви к Родине перед лицом «сомневающихся отрицателей родины» (И.Ильин). А таких, к сожалению, немало, особенно среди молодежи. Это опасно, прежде всего, для самих молодых отрицателей родины, хотя и объяснимо: «Исключительно трагический характер современной эпохи, неслыханное обилие в ней зла и слепоты, расшатанности всех обычных норм и жизненных устоев предъявляют к человеческой душе также непомерно тяжкие требования, с которыми она часто не в силах справиться. Душа подвергается сильнейшему соблазну либо отречься от всякой святыни и предаться пустоте и призрачной свободе цинического неверия, либо с угрюмым упорством вцепиться в обломки гибнущего старого здания жизни и с холодной ненавистью отвернуться от всего мира и замкнуться в себе. Все старые – или, вернее, недавние прежние – устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, изобличает если не их ложность, то относительность... Время таково: что умные и живые люди склонны подлечь и отречься от всякого духовного содержания, а честные и духовно богатые натуры склонны глупеть и терять живое отношение к действительности.... И в циническом неверии, и в иступленном сознательном идолопоклонстве... проявляется утрата прежнего душевного спокойствия, невозможность прежней, благодушно-наивной, ничем не искушенной веры и потребность в истинной вере, неосознанная устремленность воли к чему-то, что не было бы призрачно, а было бы подлинной, прочной основой бытия».

Образ Родины привлекает человека, прежде всего как спора, как надежда на спасение, на самосохранение. Ведь жизнь людей на земле подчинена, прежде всего, пространственно-территориальной необходимости. Человек должен жить и трудиться оседло. Эта оседлость прикрепляет людей к близживущим и отделяет от далеко живущих. Мир разделяется на пространственно разьединенные общности, государства. Потребность жить с себе подобными, общий образ жизни и труда, общие обычаи и уклад жизни порождает единение, а долгое единение усиливает подобие – родство, если не кровное, то пространственно-временное, жизненно-бытовое. Единение, солидарность являются неизбежными, целесообразными, жизненно необходимыми, оправданными.

Чувство Родины, родства помогают человеку преодолеть кратковременность личной жизни, ограниченность и конечность трудовых и творческих сил.

В отношении к Родине одновременно присутствуют и жизненно-бытовая польза, и территориальная (вспомним, у Л.Н.Гумилева: родина – это жесткая связь человека с «кормящим ландшафтом»), и духовная связь, способствующая не просто поддержанию и продлению жизни человека, но и его духовному самоопределению. Страшно быть человеком «без роду и племени», не знать родителей, не знать родной земли (места рождения). Человек психологически тяжело переживает это состояние неукорененности, состояние отсутствия своего начала, истоков. Это угнетающее ощущение случайного появления на свет, заброшенности в мир неизвестно кем и неизвестно для чего. Это неизбывное чувство обделенности и даже неполноценности своей жизни, это постоянно напоминающее о себе состояние несчастья, несчастливой судьбы.

Аналогичные чувства переживает и человек, потерявший безвозвратно. Ностальгия – тоска по Родине – это тоже неизбывная грусть и печаль очень похожа на чувства, испытываемые человеком, потерявшим своих родителей, родственников в силу стечения жизненных обстоятельств или по причине их смерти.

Чувство родства, Родины дает нам необходимое душевное тепло и духовную опору, без которых каждому нормальному человеку холодно и зыбко, одиноко и страшно и жизнь нередко воспринимается как безрадостная бессмыслица:

«Жизнь моя, ты откуда идешь и куда?
Отчего мне мой путь столь неясен таен?
Для чего я не ведаю цели труда?
Почему я влеченьям своим не хозяин?
Кто же есть я, о Господи, в этакой мгле?
Что постигну, мечась в утомительной смуте?
Для чего я куда-то иду по земле,
Оставаясь недвижимым в собственной сути?
Путь мой пуст и бесплоден, - так нужен ли он,
Если смысл от деяний моих отодвинут?
Для чего мне сознание, которое – сон?
Для чего я в реальность жестокою кинут?»

Отсутствие непосредственных родственных связей с близкими людьми может спровоцировать и более общее, более масштабное чувство безродности.

Точно также отсутствие у человека привязанности и любви к Малой родине – месту, где родился, где рос, где жил и продолжаешь жить, вызывает безразличие, нелюбовь и способность любить близкое (родственников, Малую родину) есть залог любви к дальнему (не родственникам, а соотечественникам, к Большой родине).

Употребление понятий «Малая родина» и «Большая родина» в определенном смысле правомерно и оправдано. Но они могут быть заменены другой взаимосвязанной парой понятий: «Родина» и «Отечество». Л.Н.Гумилев считает, что Родина, как жесткая связь человеческих коллективов с кормящим ландшафтом, превращается в Отечество по мере того, как происходит адаптация, успешное приспособление этих коллективов к природным условиям, когда выработаны традиции, необходимые для благополучного существования общности.

Но наиболее общепринятым в настоящее время является другое толкование этих понятий. Родина – географическое место, где родился человек – страна, город, деревня, село и т.д.

Иными словами, это место рождения, местность. Отечество – страна, государство, где человек живет, имеет родственников дальних (прошлые) и близких (настоящее). Это жизненный приют человека, человеческих общностей. Родина у каждого одна, а отечеств может быть два и больше, по числу разнациональных предков в прошлом и настоящем. Поэтому имеет смысл и утверждение: «Весь мир – мое Отечество», т.к. все люди составляют человеческий род, они сородичи. Но родство это чрезвычайно опосредованное. И, тем не менее, существует такая поговорка: «Легко любить все человечество, гораздо труднее любить конкретного человека». Здесь речь идет о разных проявлениях нравственного чувства – абстрактном и конкретном.

Отношение к Родине и Отечеству зависит от ценностного восприятия жизненного пространства, живущих на этом пространстве людей. Есть горькая шутка: «Некоторые за Родину и Отечества не пожалеют». Горькая правда, проявившаяся при распаде СССР в активной автономизации прибалтийских и кавказских республик. А материально-экономические, политико-правовые, идеологические трудности нашей жизни убеждают в правомерности и другой мудрости: «Все труднее быть истинным патриотом. Все труднее любить Родину, не покидая ее».

Так что же такое – любовь к Родине? Отечеству? Почему она так неоднозначна? Противоречива, сложна?

ЛИКИ ПАТРИОТИЗМА И НАСУЩНОСТЬ ЕГО ПРОБУЖДЕНИЯ

Патриотизм (греч. parties – родина, отечество) – любовь к родине, преданность своему народу, своему отечеству: «Нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования» (В.Г.Белинский). Но для этого патриотизм не должен быть стихийным, случайным, неосознанным. Некоторые полагают, что достаточно быть добрым, трудолюбивым, ответственным и этим уже и будешь, полезен, ценен Родине и Отечеству, специально не стремясь к этому как к особой, более общей и высокой цели. И действительно,

изначально процесс становления патриотического сознания стихийен: «Беда, опасность и страх научают человека солидаризоваться со своими близкими; из этой солидарности возникают первые проблески правосознания, «верности» и «патриотического настроения». И, таким образом, «патриотизм» оказывается, по-видимому, неизбежным целесообразным и жизненно полезным.... Люди приобретают этот патриотический опыт без всяких поисков и исследований: он приходит как бы сам собою. Люди инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе, к соседям и культуре своей страны, к быту своего народа. Но именно поэтому *духовная сущность патриотизма* остается почти всегда за порогом их сознания».

Стихийный патриотизм характеризуется поверхностностью, неустойчивостью, прагматичностью. Он изменчив и опасен, т.к. оказывается, что в сердце человека живет не любовь к родине, а «странная и опасная смесь из слепого пристрастия к бытовым пустякам и лицемерного «великодержавного пафоса», за которым нередко скрывается личная и классовая корысть».

Иван Ильин, русский философ, называл стихийный патриотизм «слепо-инстинктивным», духовно не освященным, противодуховным инстинктом. А *инстинкт и дух патриотизма* должны быть взаимодополняющими: инстинкт должен получить правоту и форму духовности, а дух – творческую силу инстинктивности. Патриотизм есть любовь, а не просто «предпочтение», «склонность» или «привычка». И если эта любовь не «пустое слово» и не «поза», то он есть инстинктивная прилепленность к родному: «Поэтому патриотизм всегда инстинктивен. Но он не всегда *духовен*. И то, что должно быть достигнуто – *есть взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине...* Это будет любовь зрячая и оформляющая; это будет духовность таинственно-целесообразная и страстно-мудрая; это будет *истинный патриотизм*».

Подлинная любовь к родине есть творческий акт духовного самоопределения. Идея родины предполагает в человеке живое начало духовности: «Родина есть нечто от духа и для духа». Ни территория, ни климат, ни географические условия, ни совместное пространственное жительство людей, ни национальное происхождение, ни формальное гражданское подданство не составляют Родину, не заменяют ее и не любят патриотической любовью. Родина нуждается в территории, но сама по себе территория не является Родиной. Есть люди, никогда не бывавшие в России и плохо говорящие по-русски, но сердцем живущие и трепещущие вместе с Россией. И наоборот, есть люди, русские по крови, происхождению, местопребыванию, быту, языку, государственной принадлежности – и предающие Россию, ее судьбу, ее землю, ее народ, ее прошлое, настоящее и будущее.

Сложно постигнуть сущность Родины. Долгая жизнь на чужбине не делает ее родной землей, пока не произойдет духовного слияния с народом. Признак расы и крови (национальности) также не решает вопроса о родине: например, армянин может быть русским патриотом, но может быть и армянским сепаратистом. А во время отечественных войн за Россию патриотически сражались представители десятков российских национальностей. У людей смешанной национальности происхождение бессильно решить вопрос о родине. Формальная, принудительная принадлежность к какому-либо государству не только не гаранти-

рует патриотических чувств его граждан, но, наоборот, способно вызвать в душах людей устойчивое антипатриотическое отношение.

Так чем же определяется родина и как происходит ее обретение и пробуждение любви к ней? Можно формально, принудительно причислить людей к какому-либо государству. Можно преследовать, наказывать, казнить людей за формально совершенную измену. Но заставить человека любить страну проживания как свою родину, заставить быть националистом чужой ему нации – невозможно. Любовь к родине основывается на внутренней свободе человеческого самоопределения, на добровольном духовном самоопределении, на любви к национальному духу: «Человек не может не любить свою родину, если он не любит ее, то это значит, что он ее не нашел и не имеет. Ибо родина обретается, именно духом... Родина есть *духовная реальность*. Чтобы найти ее и узнать, человеку нужна личная *духовность*. Это просто и ясно: родина воспринимается именно живым и непосредственным *духовным опытом*; человек совсем лишенный его, будет лишен и патриотизма».

Духовный опыт сложен, многогранен, противоречив. Поэтому сложна, многогранна и противоречива любовь к Родине.

Есть патриотизм, исходящий из семейного и родового чувства; из энергии национального бытия и национального духа; патриотизм, исходящий от религиозного и нравственного облика родного народа, от его духовной красоты и гармонии; патриотизм всенародного размаха и глубины:

«Люблю Отчизну я, но странную любовью,
Не победит ее рассудок мой!..
Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее полей холодное молчанье,
Ее лесов дремучих колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...»

М.Ю.Лермонтов. «Отчизна»

Каждый человек по-своему обретает любовь к Родине: рассудком, сердцем, высокой духовностью. Один спокоен и умиротворен в этой любви, другой страдает страданием родины и совершает ради нее подвиги, третий через религиозную веру постигает духовный трепет и благоговение чувства любви к родине. Причем, патриотизм человека науки будет иной, чем у крестьянина, у священника, у художника. Каждый по-своему любит единую для них Родину. Но человек «духовно мертвый» не имеет родины. Душа бесплодная в познании, мертвая в творчестве добра, бессильная в созерцании красоты... - не имеет духовного опыта... Такая душа не найдет и родины, но, в лучшем случае, будет пожизненно довольствоваться ее суррогатами, а патриотизм ее останется личным пристрастием, от которого, при первой же опасности, легко отречется».

Патриотизм может быть присущ только тем людям, для которых существует на земле нечто священное. И обрести в душе родину – это и значит испытать это высокое чувство святости, безусловного достоинства родины, святынь своего народа. Чувство святости по отношению к Родине, Отечеству, позволяет человеку открыть в себе самом беззаветную преданность, способность бескорыстно ра-

доваться успехам Родины, потребность служения, желание соединить свою жизнь и судьбу с судьбою Родины, быть самоотверженным (патриотическая Пасионарность – Н.Э.), а это значит – любить родину больше себя.

Иван Ильин называет родину духовным священным сокровищем, которое живет в душах людей и там и должно быть найдено. В акте патриотического самопознания человек и оказывается способным услышать свою родину: «он услышит, как она в его собственной душе вздыхает и стонет, поет, плачет и ликует... Он вдруг постигает, что его личная жизнь и жизнь его родины – суть в последней глубине нечто единое и что он не может не принять судьбу своей родины, ибо она также неотрывна от него, как он от нее: в инстинкте, и в духе».

Но истинному патриоту дорога не любая жизнь его родного народа, не просто жизнь в довольстве, но жизнь подлинно духовная, духовно-творческая. И поэтому, «если он когда-нибудь увидит, что народ его утоп в сытости, погряз в служении маммону и от земного обилия утратил вкус к духу, волю и способность к нему, - то он со скорбью и негодованием будет помышлять о том, *как вызвать духовный голод в этих сытых толпах павших людей*. Вот почему и все условия национальной жизни важны и драгоценны истинному патриоту не сами по себе: и земля, и природа, и хозяйство, и организация, и власть, - но как *данные для духа, созданные духом, и существующие ради духа*».

Именно духовная жизнь родного народа и есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть, если этого требует жизнь. Именно духовную сущность родины следует любить больше себя. И жить каждому человеку этой духовной сущностью родины следует уже потому, что за нее стоит и умереть. Духовная жизнь народов чтится всеми людьми через века: это и римское право, это и итальянская живопись эпохи Возрождения, и русская изящная литература XIX века...

Соединяя свою судьбу с судьбой своего народа «в его достижениях и в его падении, в часы опасности и духом не с множеством различных и неизвестных ему «человеков», среди которых, наверно, есть и злые, и жадные, и ничтожные, и предатели; он не сливается и с жизнью темной массы, которая в дни бунта бывает, по бессмертному слову Пушкина, «бессмысленна и беспощадна». Он не приносит себя в жертву корыстным интересам бедной и роскошествующей черни (ибо чернью называется вообще жадная, бездуховная, противогосударственная масса, незнающая родины или забывающая ее); отнюдь не преклоняется перед «множеством» только потому, что на его стороне количество, и не считает, что большинство всегда одарено мудрою и безошибочною волею. Нет, он сливает свой инстинкт и свой дух с инстинктом и с духом своего народа; и духовности своего народа он служит жизнью и смертью».

Это возвышенный, идеальный образ патриотизма. Но и в реальной жизни люди объединяются в единую нацию, создают единую родину именно в силу подобия их духовного склада. Этот духовный склад вырабатывается постепенно, исторически из повседневной жизни людей благодаря творчеству, прорыву к духу.

Душевное и духовное подобие возникает в реальной жизни потому, что «каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему ленится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему улыбается, смеется и ра-

дуется; по-своему ходит и пишет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, рассуждает, созерцает и создает живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится и падает духом; по-своему организуется. У каждого (народа-Н.Э.) иное чувство права и справедливости; иной характер, иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале; иная политическая мечта; особый национальный духовный акт».

Все перечисленное скрепляет души единого народа подобием и близостью. Духовное подобие родит духовное единение и наоборот. Люди связываются взаимным тяготением друг к другу, заставляющим их дорожить совместной жизнью. Патриотическое единение есть разновидность духовного движения. В патриотическом единении люди любят свой народ в его духовном своеобразии и верят в духовную силу и духовное творчество своего народа.

Патриотизм не должен быть ни стихийным, ни «казенным», ни внешне принудительным, ни официальным; ни корыстным, ни высокомерным и чванливым, ни воинствующим. Обосновать идею родины и чувство патриотизма – значит, показать не только их неизбежность и естественность в историческом развитии народов, их культурную продуктивность, но и их государственное значение. А это, значит, обосновать *гражданственный патриотизм*. Ведь любить свою родину, отечество – это, значит, быть достойным гражданином.

«ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ, А ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН!»

Почему же патриотизм не может не воплотиться в гражданственность? Что значит быть гражданином?

Патриотическое и национальное единение человека с народом его страны принимает форму правовой связи, форму государственного единения, которая конкретизируется в таких качествах как гражданские права (свободы), гражданский долг, гражданская вера, гражданская любовь и т.д. Все эти конкретные воплощения гражданственности являются напоминанием об общности и закономерной зависимости от нее (жить в обществе, государстве и быть свободным от них нельзя), напоминанием об общности и закономерной зависимости от нее (жить в обществе, государстве и быть свободным от них нельзя), напоминанием о взаимных обязанностях людей, объединившихся в общность, живущих в одном государстве.

Иными словами «гражданство» - это правовая связь физического лица с определенным государством. Каждый гражданин имеет определенные права и несет соответствующие обязанности по отношению к своему государству. В законе о гражданстве сказано, что гражданство определяет правовое положение лица не только во внутреннем, но и в международном праве. Гражданин, находящийся за границей, не освобождается от выполнения обязанностей по отношению к своему государству и в то же время пользуется дипломатической защитой со стороны своего государства. Порядок приобретения и утраты гражданства

регламентируется законодательством государства и международными отношениями. При этом различают национальный и территориальный принципы установления гражданства. Значит, гражданство – это принадлежность, причастность к какой-либо нации, к какому-либо государству.

Вдумаемся в термины: «гражданин», «гражданство», «гражданственность», «гражданское общество» и т.д. Проистекают они от слов «городить», «огораживать», «ограждать» и имеют двойной смысл:

1. Огородить – ограничить, определить границы, пределы чего-либо. А почему необходимо это «огораживание»? Потому, что жизнь в обществе определена противоречиями, двуединством иерархизма, иерархии (соподчинение от низшего к высшему) и равенства; двуединством спонтанной, самопроизвольной и планомерной, сознательно организуемой жизни. Поэтому в правах и обязанностях граждан и определены границы их свободы и ответственности перед государством, обществом, согражданами, а также их равнодостоинство, с одной стороны и конкретное место в социальной иерархии, структуре – с другой.

2. В русском языке понятие «огородить», «оградит», имеет и другой смысл – защитить от других.

Поэтому быть гражданином, это значит: 1. **Иметь свой статус**, свое определенное положение в обществе, государстве, мире, закрепленное в правах (свободах) и обязанностях (ответственность). 2. **Быть защищенным** (правом, государством, обществом).

Убедительную характеристику сущности гражданского общества мы находим у русского философа С.Л.Франка: «Индивиды суть не атомы, случайно сталкивающиеся между собой и имеющие свое подлинное бытие только в замкнутой сфере самих себя, а подлинные члены органического целого, как бы искони, по самой своей онтологической природе (бытийной, жизненной – Н.Э.) предназначенные к единству в форме свободного взаимодействия и взаимосближения. Из этого онтологического существа вытекает функционально-телеологический (функционально целеопределенный – Н.Э.) смысл гражданского общества. Оно есть не внешнее средство для удовлетворения интересов отдельных людей, а именно необходимая форма общественного сотрудничества, форма служения, осуществление объективной правды через вольное взаимодействие отдельных членов общественного целого».

С.Л.Франк утверждает, что именно человек – хозяин своей исторической и общественной жизни. Он может, конечно, делать все, что хочет. Но, чтобы сохранить и утвердить свою жизнь, он должен подчинить свою волю тем непрерываемым законам, которые управляют и личной, и общественной жизнью: «чтобы сохранить здоровье и тем самым свободу, он должен подчиняться независимым от его воли правилам гигиены, вытекающим из его физиологической природы, так, чтобы сохранить свое бытие и свою свободу в нравственной жизни, он должен подчинить свою волю законам, искони управляющим его духовной жизнью».

Такой высшей и подлинно первичной основой нравственно-общественной жизни человека является, прежде всего, обязанность, а не право, всякое право есть лишь вторичное, производное отражение обязанности. Человеческое поведение – индивидуальное и коллективное – определено прежде всего, обязанно-

стью (общественной объективной необходимостью), обязанностью служения Добру, Истине, Красоте, Гармонии, Вечности, Справедливости, Солидарности, Счастью.

И гражданином человек тоже быть обязан, ибо вне этой обязанности не возникает ни прав, ни благ, ни счастья. Более того, эта изначальная обязанность не должна быть принудительной и чуждой: «гражданин признает государство в порядке добровольного самообязывания и называет его «мое государство» или «наше государство»... Государственная принадлежность, не наполненная живой любовью гражданина к его родине и к его народу, и не закрепленная его добровольным самообязыванием, может очень легко создать политическую иллюзию: появляются целые слои мнимых граждан, которые не принимают к сердцу ни жизни, ни интереса «своего» государства, - *одни по национальным побуждениям* (они в душе причисляют себя к другому народу), другие - *по хозяйственным соображениям* (они заинтересованы в смысле промышленности и торговли в процветании другого государства), третьи - *по социально-революционным мотивам* (они желают «своему» государству всяческого неуспеха и военных неудач)... Все эти «граждане» принадлежат к государству только формально юридически; а душевно и духовно они остаются ему чуждыми, может быть прямо враждебными... Гражданин, который несет свою государственную принадлежность против своей воли или без своего внутреннего согласия есть явление духовно нездоровое, а политически-опасное...».

Поэтому истинное, любовно утверждаемое *«государственное настроение души»* возникает из искреннего патриотизма и национализма, понимаемого как гордое духовное достоинство народа, нации, основанное на такой любви и уважении своего народа, при которой другой народ, другая нация воспринимается как иная, а не чужая, не чуждая, не враждебная. Народы при всех условиях призваны видеть друг в друге не объект для завоевания и порабощения, а субъектов естественного и международного права: «Инстинкт, дух и чувство права, восполняя друг друга, создают в душе ту цельную, мужественную и нравственно-прекрасную энергию, которая необходима для героической обороны родины и которая в то же время не позволяет впасть в состояние мирозавоевательной алчности».

Для человека с таким гражданским правосознанием любовь к своему отечеству не ведет его к отрицанию естественного права на существование и на духовный рост у других народов. Он признает, что каждый народ имеет неотъемлемое право на свою национально-духовную жизнь, что каждый народ, отстаивающий свою духовно-культурную самобытность, прав. Только те народы способны к духовному единению с другими народами, которые любовно создали, прежде всего, свою родину, достойно утвердились в своем национализме и патриотизме. Каждый народ должен иметь свое самобытное, национально-духовное лицо, свою самобытную душевно-духовную культуру, а не довольствоваться духовной нищетой и не побираться по чужим культурам.

Единство национального, патриотического, гражданского достоинства у отдельного человека, у народа, у многонациональной нации превращает этих людей, эти народы, эти нации в *духовно ведущие*. Но не всякому удается достичь такого культурного, духовного уровня, духовной энергии. Поэтому существует

духовно ведомые личности, народы. Тогда гражданская зрелость ведущего народа будет состоять в том, чтобы не подавить, не искоренить ведомый народ, а сохраняя его историческую и биологическую «национальность» дать ему возможность приобщиться к духовной культуре ведущего народа и получить от него необходимый духовный импульс для своего самоопределения и самоутверждения.

Например, «я русский, и притом калмык»... И эта формула означает, что ведущему народу удалось выработать национальный акт такой ширины и гибкости, а может быть и глубины, что он образует для ведомых народов как бы родовое духовное лоно, которое они могут видоизменять по-своему, оплодотворяя и оживляя из него свою духовную жизнь».

Дух народа, национальная культура, государственное устройство, государственная власть, законодательство, правопорядок, гражданский мир – это такие блага, которые принадлежат всем гражданам совместно. И гражданином каждый является до тех пор, пока это общее достояние существует. Поэтому *гражданственность – это «некая великая совместность»*, воплощаемая в следующих качествах:

1. Мы связаны общими целями, стремлениями, т.е. солидарностью.
2. Мы все нуждаемся друг в друге, мы связаны этой нуждой друг с другом, мы все соотнесены друг с другом.
3. Мы все обязываемся друг перед другом беречь друг друга и наше общее достояние: один за всех и все за одного, мы связаны взаимностью.
4. Мы – единая духовная и правовая община, связанная единством жизни, творчества и исторической судьбы. Мы – государство.

Важно, чтобы каждый человек, достигающий гражданской зрелости, продумал и прочувствовал в своем правосознании. «Важно то чтобы у каждого из нас в правосознании была, как бы проведена черта, отделяющая сферу нашего Общего, Солидарного, Совместного и Взаимного как политическую и государственную сферу – от нашего личного, частного и эгоистического. Необходимо, чтобы каждый из нас принес в глубине души некую присягу – беречь эту сферу, служить ей и действовать в ее пределах государственно и политически. А это, значит, утвердить в своем правосознании не только идею государства вообще, но и идею своего родного государства, своей государственно оформленной родины».

Духовная солидарность граждан составляет реальную основу государства и политики. В сердце настоящего гражданина государственный интерес и его личный интерес пребывает в состоянии живого неразложимого тождества. Это не означает отречение от себя, своих интересов. Но это значит, что интересы своей родины, своего государства он принимает так близко к сердцу, как свои собственные интересы. Он ни за какие богатства в мире не будет шпионить в пользу другого государства, он не разорит государственное достояние за взятку, он не стане подрывать и ослаблять валюту своей страны спекуляцией, он не захочет обогащаться вредными для своего государства импортом и т.д. До всего этого гражданина не допустит то живое единство интересов, из которого он думает и действует всю свою жизнь: «Мое дело – есть дело моей родины и моего государства: так что с одной стороны, все вредное моей родине и моему государству не может стать моим делом; а, с другой стороны, дело моего народа и моего госу-

дарства мне настолько близко и важно, как если бы оно касалось меня самого и моей судьбы» - вот *формула истинного патриотического гражданства* (подчеркнуто нами).

Гражданин, отождествляя себя с соотечественниками, со своим родным государством, не только жертвует чем-то, но и приобретает, не только от чего-то отказывается, но и выигрывает. Это конкретизируется во многом: в том, что каждый гражданин пользуется своими священными и неотчуждаемым правами свободы и защиты своих частных, имущественных прав; в том, что государство делает для каждого человека в социальном плане, начиная от защиты прав ребенка, семьи и кончая обеспечением права на все виды образования, трудоустройства, охраны здоровья, обеспечения безопасности жизни и т.д.

Взаимные обязанности гражданина и государства порождают взаимную ответственность. Каждый нищий в стране есть не просто неудачливый бедняк, но большая язва народной и государственной жизни. Каждый безработный, каждый беспризорный есть общее национальное бедствие. Каждый безграмотный есть всенародная опасность. Каждое попранное право есть пробел в общей системе правопорядка и. т. д. Одна из аксиом государственности гласит: «Один за всех и все за одного». Только при соблюдении всеми и каждой этой аксиомы, государство становится гарантом всеобщей солидарности и гражданского братства людей.

Гражданственность – важнейшее морально-политическое, морально-правовое, нравственное качество личности, выражающее ее социальную позицию, ее отношение к другому человеку, к государству, обществу, своему национальному статусу (национальности). Сущностью гражданственности является потребность служения общему благу (пассионарность) на основе равноправия и справедливости, на основе признания человека высшей ценностью и высшей целью прогрессивного развития общества и личности.

Понимая эту возвышенную суть гражданственности, следует помнить об опасности антигражданственности, о немалом числе «государственно-безразличных душ», не знающих и не помнящих родства, долга, ответственности перед близкими и дальними. Следует постоянно напоминать человеку об иерархии его общности с окружающим миром и окружающими людьми. Каждый человек должен научиться ощущать себя и гражданином города (села, деревни), гражданином отечества, гражданином планеты, гражданином мира, вселенной. Это важное чувство конкретной и одновременно всеобщей, универсальной сопричастности, взаимности, солидарности людей в масштабах исторического пространства и исторического времени. В гражданственности человек способен ощущать себя связующей нитью времен и народов. Но путь к этому высокому чувству лежит через ощущение себя конкретным представителем конкретного места и времени, реальной принадлежности конкретному государству, конкретному народу, конкретному месту жительства.

УРАЛ – ОПОРНЫЙ КРАЙ ДЕРЖАВЫ: НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Уральский хребет соединяет западную и восточную части России. Протянувшись с севера на юг, он вобрал в себя многие климатические зоны, на Урале проживают многочисленные народности. Урал издавна был прибежищем обездоленных, стремящихся к лучшей участи людей. Со второй половины XVII века немало прибывало на Урал раскольников-староверов из Москвы, Тулы, с реки Керженца. Благодаря этому названию староверов на Урале стали называть кержаками. Невьянский завод, слобода Шарташ – старейшие поселения старообрядцев. Все заводское дело на Урале поставлено раскольниками. Это тоже православные христиане, но не покорившиеся необходимости церковной иерархии, жившие строжайшими моральными устоями, имевшие строгие обычаи и традиции семейных отношений, трудолюбие, строгие нравы. Аскетизм, стойкость, гордость и преданность своей вере помогали уральцам выстоять и выжить в суровейших условиях того времени.

Военно-заводской режим и требовал от людей строгости, дисциплины, порядка. Горнозаводская работа была настоящей каторгой. А простой народ на Урале в XVIII веке называли «подлостью». «Подлость» - это мастера и рабочие монетного двора, гранильной фабрики, торгаши, ремесленники, крайняя «подлость» - поденщики и черноделы. Владимир Даль в «Толковом словаре великорусского языка» пишет, что подлый – это человек из черни, низкого племени, из рабов холопов. И хотя работный люд Урала не был в полном смысле крепостным, военный порядок на заводах определял срок службы не менее 25 лет. Рабочие становились за такой срок хорошими знатоками своего дела, мастерами-умельцами. Передавали свои навыки детям. Это, становилось прообразом будущих трудовых династий на уральских промышленных предприятиях, и недаром предков-мастеров называли умельцами.

Немало для зарождения трудовой славы Урала сделали организаторы горнозаводского дела на Урале: Василий Никитич Татищев, Георг Вильгельм де Генин, Владимир Андреевич Глинка. Их заслуга не только в развитии металлургического производства на Урале, горнодобывающей промышленности, оружейного дела, камнеобработки и ювелирного производства, но и в организации народного образования. Татищев открыл школы в Уктусе, Кунгуре, Алапаевске. Он издал указ из 23-х пунктов, в котором детально оговорил все условия обучения, которое он стремился сделать обязательным. В седьмом пункте наказа он писал, что «ежели который ученик от лености не хочет, и в школу ходить не будет, за оное брать с родителей или хозяев их, за первый день одну, за другой день две, за третий и больше по три копейки и оные делить ученикам». А в подьячие не допускать неграмотных и таких, «которые ко лжи, краже и злобе и неправде склонны». Это яркий пример заботы не только об образованности, но и о нравственности людей.

Генерал Геннин умело предупреждал пьянство среди работников. Спиртное продавалось только по воскресеньям после полудня и в небольших количествах.

А генерал Глинка, ставший главным начальником горных заводов хребта Уральского с 1837 года по указу Николая I, успешно руководил шестью казенными уральскими заводами и контролировал частные заводы.

Он, инженер и экономист по образованию, стремился к экономии природных ресурсов, проводил лесоохранные мероприятия. Добивался строжайшей дисциплины на заводах. Стремился быть во всем справедливым и сурово наказывал не только нерадивых рабочих, но и владельцев заводов, приучая их честному расчету с рабочими.

Глинка активно вводил новую технику и технологию. Он разработал проект создания системы учебных заведений на горнозаводском Урале. В 1837 году открывается первое училище для дочерей мастеровых, с него начинается специальное женское образование на Урале. Город Екатеринбург застраивается не хаотично, а по специальному плану. В 1843 году образовывается первый театр с профессиональной труппой актеров. Урал более превращается не только в промышленную опору государства Российского, но и в географический центр образования и культуры.

Свою суровую роль опорного края Урал особенно проявил в I и II мировые войны. Существует справедливое мнение, что нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа. Уральцы проявили и военный, и трудовой, и человеческий героизм служения Родине, своим соотечественникам.

На призывные пункты приходили семьями. Например, пять братьев Кочневых – сыновья участника гражданской войны из Большесосновского района Пермской области.

Металлурги Урала выступили с почином «Все для фронта!» Труженики Урала давали священную клятву выдержать все испытания. Уже к ноябрю 1941 г. под вражеской оккупацией оказалась территория, где добывалось 63 % стали, 60 % алюминия, вырабатывалось 42 % электроэнергии, а проживало 40 % населения СССР. Газета «Правда» писала в то время: «Урал принял на свои могучие плечи главную тяжесть снабжения Вооруженных Сил нашей страны».

На Урал были переведены наркоматы электростанций, танковой, металлургической, угольной, нефтяной промышленности. Здесь же сконцентрировались крупные силы ученых. Только в Свердловске находилось 35 академиков, 17 членов-корреспондентов, 216 научных сотрудников Академии наук СССР. Около 800 эвакуированных частично или полностью предприятий было размещено на Урале. Люди сутками не покидали стройки и заводы.

На Урале изготавливались танки, моторы, самолеты, гранаты, снаряды, мины. Патроны; на швейных фабриках шилось обмундирование.

Среди молодежи возникло патриотическое движение «Заменим наших отцов и братьев на производстве».

Женщины, подростки и старики работали на полях и фермах как солдаты на фронте. Сельское население принимало беженцев, осиротевших детей, снабжало госпитали, помогало инвалидам войны.

В первые же дни войны на Урале были созданы десятки, сотни госпиталей. Создавались и отправлялись на фронт полевые госпитали.

В 1943 году был сформирован 30-й Особый танковый корпус. В действующую армию Урал посылал лучших своих сыновей и дочерей. Отцы и матери

давали наказ: «Не посрамите роду нашего. Помните: мы – уральцы». Уральские соединения и части сражались в составе всех фронтов.

И после войны Урал оставался опорным краем, т.к. необходимо было восстанавливать разрушенные отрасли промышленности в освобожденных районах. Кузницей кадров стали называть Урал, т.к. большое число специалистов готовилось на предприятиях, в учебных заведениях.

Уральский хребет оказался надежной осью, опорой всей страны. Уральцы проявили массовый героизм в тылу и боях, чувство долга, ответственности перед страной.

Сила духа и душевная щедрость, интернационализм, взаимопомощь, жертвенность и бескорыстие, неистребимая готовность служить Отечеству и соотечественникам. Нравственный потенциал накоплен огромный. Как сохранить его? Как уберечь от массовой болезни отрицания и забвения прошлого, а вместе с прошлым и его подвигов, его ценностей?

В середине 90-х годов только 20 % уральской молодежи ориентирована на патриотизм, а более 60 % - жить там, где лучше. Только 20 % видит смысл жизни в служении народу, а 53 % - в умении реализовать личные интересы, в достижении своего блага.

Естественно стремление человека к благополучию и счастью. Но может ли нравственный человек быть счастлив, когда рядом растет число обездоленных, нищих, когда при живых родителях дети становятся бездомными, перестают учиться, когда принципы удовольствия и пользы определяют позицию людей, когда гордятся торговлей оружием на международном рынке, когда за военные преступления никого не наказывают, когда попирают прошлое своего народа, своих предков и забывают о понятии национального достоинства?

Уральцы – трудолюбивый и выносливый народ. Это у людей в генах. Но нравственное вырождение не исключено, если не научить молодежь строить свою жизнь по законам исторической памяти и исторической ответственности.

УРАЛЬСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И САООПРЕДЕЛЕНИЕ УРАЛЬСКОГО НАРОДА

Духовный, нравственный потенциал уральского народа накапливался веками. Этот потенциал во многом определяет нашу уральскую ментальность, уральский характер, несущие в себе все признаки пассионарности: потребность и способность изменить окружающую среду, повышенная жизненная энергия, потребность служить другим, готовность к жертвенности, сверхнапряжению, стойкость в экстремальных ситуациях, умение заражать своей энергией других, социальный оптимизм.

Конечно, признаки пассионарности, которые, присущи уральскому народу, всегда влияли, и впредь будут влиять на экономический, и на политический потенциал региона в составе России. Ведь Урал и сегодня продолжает быть суперпромышленным регионом. Естественно, что в его духовном потенциале заложена определенная соревновательность, стремление не довольствоваться достигнутым, совершенствоваться, открывать для себя новые горизонты. Любая ментальность это в то же время еще и самоопределение – личности, народа, нации. Кто

есть я? Кто есть мы? Что мы собой представляем, какие качества нас характеризуют? Что мы должны делать, как жить? Каковы наши возможности? За что мы несем ответственность? К чему должны стремиться? «Самоиндефикация», «самообозначение», «самоопределение» – очень важная функция менталитета и важная составная самосознания личности, народа, нации. И чем более развито самосознание, тем больше гарантий нормального развития этих субъектов.

При этом любое самоопределение – прежде всего, сравнение себя с другим. Я смотрюсь в другого как в зеркало, сравниваю свои качества, свои достоинства и недостатки с достоинствами и недостатками других: Я – самоопределяюсь. Сравнение – но ни в коем случае не «контра», не противопоставление себя другому. То есть, если проблема менталитете будет правильно осознана, это заранее исключит «войны» менталитетов. Обратимся к «Конституции уральской республики». Как она была первоначально воспринята? Как стремление уральцев противопоставить себя всем другим субъектам Российской Федерации. Хотя впоследствии, после внимательного анализа текста, было признано, что это – почти эталонная Конституция для любого региона, который хотел бы развиваться на принципах самоуправления ни территориально, ни политически Урал не претендовал на отделение от России. Уральцы рассчитывают только на экономические права и свободы, у них есть на это право – Урал всегда был «опорным краем державы» прежде всего в экономическом плане. Но не противопоставлял себя державе, а служил ей, так что уральская ментальность закономерно переходит в пассионарность: духовную активность, потребность служения другим. Менталитет как элемент духовного склада должен быть созидающим, конструктивным.

Когда мы смотримся в другого как в зеркало, это не способ потешить свою народную или национальную гордыню, не способ формирования национального, регионального высокомерия, чувства определенной исключительности, богоизбранности. Такое самовозвеличивание ведет к искажению менталитета, искажению духовного склада, как личности, так и народов, национальностей, наций.

Между тем в проекте концепции движения «Каменный пояс». III тысячелетие» есть другое, более конструктивное, чем «лидерство», определение пассионарности уральцев как составной их менталитета: способность к этнокультурному взаимодействию, дружбе народов, сотрудничеству народов, населяющих уральскую территорию.

Но такое взаимодействие возможно только при условии самосознания, самоопределения, спокойного уяснения: «Кто есть «Я» среди других» наравне с другими. Не идея противопоставления, а идея равенства субъектов, их содружества, совместного творческого поиска идеала, нетрадиционных, инновационных путей переустройства мира, качественного улучшения жизни.

Если мы, уральцы, хотим понять, кто мы, откуда пришли, куда идем, мы должны, прежде всего, обратиться к нашей ментальности, менталитету как совокупности свойств, качеств, отличающих умственный, духовно-психический склад людей, живущих на уральской территории от представителей других российских регионов. Но, поскольку, менталитет этот сложился в течение многих веков как накопленный результат сверхнапряженных физических и духовных затрат уральцев, неизбежных в сложных условиях исторического и социального развития данного региона, то сегодня на новом витке подросткового и юноше-

ского краеведческого движения «Каменный пояс» его участникам, по всей вероятности, следует ставить перед собой более сложные и содержательные, чем прежде, краеведческие цели и задачи.

Не просто обращение к историческому прошлому и настоящему региона, но и краеведческое исследование, попытка составить общими усилиями коллективный портрет уральцев на разных этапах жизни уральского сообщества, выявление духовно-психического склада людей, населяющих Урал... В центре краеведческой работы должно стоять сегодня последовательное, целенаправленное исследование нашей уральской ментальности... Обращение к уральскому менталитету на краеведческой почве могло бы хорошо послужить сегодняшнему дню: стать одной из возможностей восстановить утраченную ныне духовность, которая раньше объединяла наших людей и позволяла Уралу быть «опорным краем державы» не только в экономическом или производственном плане, но и в плане человеческого, духовного потенциала. Слова «как закалялась сталь» символически можно применить и к историческому становлению уральской ментальности. Недаром же существует мнение, что не может быть будущего у народа (в том числе и уральского), который не знает своего исторического прошлого, своей «малой родины». Ведь прежде, чем любить все человечество, надо научиться любить хотя бы одного конкретного человека. Если ты не способен любить конкретное место, где родился, где живешь, где жили твои предки, ты не способен любить и свою страну. Человек по своей природе единичен, конкретен. Любовь к большим пространствам, отечеству, человечеству у него формируется через конкретные мироотношения и связи. Сейчас на всех уровнях употребляют такое понятие, как «общенациональная» идея, и все рассуждения сводятся к тому, что ее не просто выделить и определить.

Но если так, давайте начинать с малого! Давайте, мы у себя на Урале, действительно начнем с «уральской», региональной идеи. Ее можно определить как выявление специфики уральского менталитета.

Возможно, что это понятие не всеми будет принято. Но на наш взгляд оно правомерно. География, история, экономика, политика... Ну, а уральский менталитет – это и есть целенаправленное изучение этой истории, того, что от нее сохранилось, что было утрачено, то что еще можно восстановить. Эта история не может закончиться: это – процесс. Он будет существовать столько, сколько будет существовать Урал, Россия, человечество. И он должен способствовать формированию человека, и, прежде всего, подростков, молодежи, их духовности. Поэтому надо помнить, что ментальность, менталитет – это еще и проблема смысла жизни: не только «кто мы, откуда пришли, куда идем», но и – «зачем», «для чего» идем? Живем – зачем?

Чаше задавайте вопрос: «Для чего я живу? Что через меня перетечет от прошлого к будущему? Какой я проводник? Или на мне оборвется нить? Прожив, как червь в яблоке, израсходую то, что наработали другие, а сам, ничего не оставив, уйду в небытие?»

Несомненно, над этими вопросами следует крепко поразмышлять сегодня и всем нам, уральцам.

УРАЛЬСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ – СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ПРОБЛЕМА КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «КАМЕННЫЙ ПОЯС»

Исследование уральского менталитета – это инновационная и инвариативная часть любой другой конкретной программы краеведческого образования и воспитания. Во всех конкретных направлениях краеведческой, ураловедческой работы должна быть некая единая сверхзадача, сверхцель, позволяющая понять, а ради чего ведется эта работа? Для чего нужны экологические исследования родного края, археологические, этнографические, для чего нужны летописи уральских деревень и уральских городов? Чтобы занять детей, подростков во внеучебное время и отвлечь их от разрушительности и пагубности безделья? Это важная задача, но задача минимум. Изучение прошлого и настоящего своей малой родины должно восприниматься и педагогами и самими ребятами как трепетное прикосновение к историческому времени с целью сохранения исторической памяти.

«Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, -
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва:
Без них наш тесный мир – пустыня.
Душа – алтарь без божества».
(А.С.Пушкин)

Одухотворенность, восприятие всего исследуемого как «животворящей святыни» - вот необходимое состояние педагога и ученика. Четкое понимание того, что краеведение обладает огромным потенциалом формирования человеческого в человеке, ибо оно является индивидуально-совместной формой оживления прошлого, способов сегодняшнего, реального проживания и переживания этого прошлого своих сородичей, предков.

Краеведение – это конкретное практическое закрепление исторической памяти в образовательном процессе, ничем незаменимое действенное условие становления у ребенка, подростка важнейшего человекообразующего свойства – исторической ответственности. Краеведение – уникальный процесс практического и душевно-духовного обретения малой родины, а это - залог любви к Отечеству, чувства патриотизма». ...Обретение Родины должно быть пережито каждым из людей самостоятельно и самобытно. Никто не может предписать другому человеку его родину – ни воспитатель, ни друзья, ни государственная власть; ибо любить и радоваться, и творить по предписанию вообще невозможно. Патриотизм,

как состояние радостной любви и вдохновенного творчества, есть состояние духовное и потому он может возникнуть только в порядке автономии (свободы) и в личном, но подлинном и предметном духовном опыте. Всякое извне идущее предписание может помешать этому опыту и привести к злосчастной симуляции. Любовь возникает... в легкой и естественной... радости, побеждающей и умиляющей душу...

Так называемый «казенный», внешне принудительный, официальный патриотизм далеко не всегда пробуждает и воспитывает в душе чувство родины, нередко даже повреждает его. А между тем опытный и тактичный воспитатель может действительно пробудить в ребенке настоящий патриотизм. Но именно пробудить, а не навязать. Для этого он сам должен быть искренним и убежденным патриотом и уметь убедительно показывать детям те глубины и прекрасности родины, которые на самом деле заслуживают любви и преклонения. Он должен и не «проповедовать» любовь к родине, а увлекательно исповедовать ее и доказывать ее делами, полными энергии и преданности. Он должен как бы вправить душу ребенка в духовный опыт его родины, вовлечь ее в него и приучить ее пребывать в нем и творчески расцветать в нем. Тогда патриотическое самоопределение осуществится свободно и непосредственно. И ребенок станет незаметно живым органом своей Родины».

И далее в параграфе, который И.Ильин назвал «О национальном воспитании, мы можем найти очень убедительные размышления-рекомендации о конкретных путях и формах воспитания у подрастающего поколения национальных и патриотических качеств, которые и дают человеку ничем незаменимую опору, укорененность, возможности радостного, счастливого жизненного самоопределения и жизненного самоутверждения как религиозных, так и нерелигиозных людей, возможности их единения в благородной любви к родине, отечеству, своему народу.

«Итак, есть глубокий, духовно верный, творческий национализм; и его необходимо прививать людям с раннего детства.

Мы установили уже, что национальность человека определяется не его произволом, а укладом его инстинкта и его творческого акта, укладом его бессознательного и, больше всего, укладом его бессознательной духовности. Покажи мне, как ты веруешь и молишься; как проявляются у тебя доброта, геройство, чувство чести и долга; как ты поешь, пляшешь и читаешь стихи; что ты называешь «знать» и «понимать», как ты любишь свою семью; кто твои любимые вожди, гении и пророки, - скажи мне все это, а я скажу тебе, какой нации сын; и все это зависит не от твоего сознательного произвола, а от духовного уклада твоего бессознательного.

А этот уклад слагается, формируется и закрепляется, прежде всего, и больше всего - в детстве. Воспитание детей есть именно пробуждение их бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту, укрепление в нем их сердца, их воли, их воображения и их творческих замыслов.

Бороться с национальным обезличием наших детей мы должны именно на этом пути: надо сделать так, чтобы все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка, вызывающие в нем умиление, восхищение, преклонение, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушие, жажду подви-

га, волю к качеству были национальными, у нас в России – национально-русскими; и далее: чтобы дети молились и думали русскими словами; чтобы они почуяли в себе кровь и дух своих русских предков и приняли бы любовью и волею всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа; чтобы их душа отзывалась трепетом и умилением на дела и слова русских святых, героев, гениев и вождей. Получив в дошкольном возрасте такой духовный заряд и имея в своей семье живой очаг таких настроений, русские люди, где бы они ни находились, развернутся в настоящих и верных русских людей.

В особенности следует обогащать их следующими сокровищами.

1. Язык. Язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. Все это ребенок должен получить вместе с молоком матери (буквально). Особенно важно, чтобы пробуждение самосознания и личностной памяти ребенка (обычно – на третьем, четвертом году жизни) совершилось на его родном языке. При этом важен не тот язык, на котором говорят при нем другие, а тот язык, на котором обращаются к нему, заставляя его выражать на нем его собственные внутренние состояния. Поэтому не следует учить его чужим языкам до тех пор, пока он не заговорит связно и бегло на своем национальном языке. Это относится и к чтению: пока ребенок не зачитает бегло на родном языке, не следует учить его никакому иностранному чтению. В дальнейшем же в семье должен царить культ родного языка: все основные семейные события, праздники, большие обмены мнений должны протекать по-русски; всякие следы «волапока» должны изгоняться; очень важно частое чтение вслух Святого Писания, по возможности на церковно-славянском языке, и русских классиков, по очереди всеми членами семьи, хотя бы понемногу; очень важно ознакомление с церковно-славянским языком, в котором и ныне живет стихия прародительского славянства, хотя бы это ознакомление было сравнительно элементарным и только в чтении существенны семейные беседы о преимуществах родного языка – о его богатстве, благозвучии, выразительности, творческой неисчерпаемости, точности и т.д.

2. Песня. Ребенок должен слышать русскую песню еще в колыбели. Пение принесет ему первый душевный вздох и первый душевный стон: они должны быть русскими. Пение помогает рождению и изживанию чувства в душе: оно превращает пассивный, беспомощный и потому обычно тягостный аффект – в активную, текучую, творческую эмоцию: ребенок должен бессознательно усваивать русский строй чувств и особенно духовных чувствований. Пение научить его первому одухотворению душевного естества – по-русски, пение дает ему первое неживотное счастье – по-русски. Русская песня глубока, как человеческое страдание; искренна, как молитва; сладостна, как любовь и утешение; в наши черные дни, как под игом татар, она даст детской душе исход из грозящего озлобления и окаменения. Надо завести русский песенник и постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями, наигрывая, напевая, заставляя подпевать и петь хором. Всюду, по всей стране, надо создавать русские хоры – церковные и светские, организовывать их, объединять, устраивать съезды русской национальной песни. Хоровое пение национализировать и организует жизнь, оно приучает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении.

3. Молитва. Молитва есть сосредоточенная и страстная обращенность души к Богу. Каждый народ совершает это обращение по-своему, даже в пределах единого исповедания, и только для поверхностного взгляда Православие русского, грека, румына и американца – одинаково. Живое многогласие и многохваление Господа, идущее от мира, требует, чтобы каждый народ молился самобытно, и эту самобытную молитву надо вдохнуть ребенку с первых лет жизни.

Молитва даст ему духовную гармонию. Пусть он переживет ее по-русски. Молитва даст ему источник духовной силы – русской силы. Молитва научит его сосредоточивать чувство и волю на совершенном – по-русски. Молитва даст ему религиозный опыт и поведет его к религиозной очевидности – по-русски. Ребенок, научившийся молиться, сам пойдет в церковь и станет ее опорой – русской опорой, русской церкви. Он найдет пути и в глубину русской истории, и на простор русского возрождения. Неправославный может быть верным русским патриотом и доблестным русским гражданином, но человек, враждебный Православию не найдет доступа к священным тайникам русского духа и русского миропонимания, он останется чужеродным в стране, своего рода внутренним «неприятелем».

4. Сказка. Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического – чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность мира, отличие «правды и кривды». Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в котором народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее. В сказке народ сохранил свое вожденное, свое ведение и ведовство, свое страдание, свой юмор свою мудрость. Национальное воспитание неполно без национальной сказки. Ребенок, никогда не мечтавший в сказках своего народа, легко отрывается от него и незаметно вступает на путь интернационализации. Приобщение к чужеземным сказкам вместо родных будет иметь те же самые последствия.

5. Жития святых и героев. Чем раньше и чем глубже воображение ребенка будет пленено живыми образами национальной святости и национальной доблести, тем лучше для него. Образы святости пробудят его совесть, а русскость святого – вызовет в нем чувство соучастия в святых делах, чувство приобщенности, отождествления; она даст его сердцу радостную и гордую уверенность, что «наш народ оправдался перед лицом Божиим», что алтари («народная гордость»). Образы героизма – пробудят в нем самом волю к доблести, пробудят его великодушие, его правосознание, жажду подвига и служения, готовность терпеть и бороться; а русскость героя – даст ему непоколебимую веру в духовные силы своего народа. Все это, вместе взятое, есть настоящая школа русского национального характера.

Преклонение перед святым и героем возвышает душу: оно дает ей сразу и смирение, и чувство собственного достоинства, и чувство ранга; оно указывает ей и задание, и верный путь. И так национальный герой ведет свой народ даже из-за гроба.

6. Поэзия. Стихи таят в себе благодатно-магическую силу: они подчиняют душу, пленяют ее гармонией и ритмом, заставляют ее прислушиваться к сокровенной жизни вещей и людей, побуждают ее искать закона и формы, учат

ее духовному восторгу. Как только ребенок начнет говорить и читать, так классические национальные поэты должны дать ему первую радость стиха и постепенно раскрыть ему все свои сокровища. Сначала пусть слушает; потому пусть читает сам, учит наизусть, пытается декламировать – искренно, прочувственно и осмысленно. Русский народ имеет единственную в своем роде поэзию, где мудрость облекается в прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русский поэт одновременно – национальный пророк и национальный музыкант. И русский человек, с детства влюбившийся в русский стих – никогда не денационализируется.

В меру возрастания и в меру возможности необходимо открывать ребенку доступ ко всем видам национального искусства – от архитектуры до живописи и орнамента, от пляски до театра, от музыки до скульптуры. Тогда душа его всесторонне раскроется для восприятия того, что впервые дали ей песня, сказка и поэзия. Понятно, что наиболее доступным, наиболее увлекающим и, непосредственно национализирующим видом искусства останется русская пляска со всей ее свободой и ритмичностью, со всем ее лиризмом, драматизмом и неистощимым юмором.

7. История. Русский ребенок должен с самого начала почувствовать и понять, что он славянин, сын великого славянского племени и в то же время сын великого русского народа, имеющего за собою величавую и трагическую историю, перенесшего великие страдания и крушения и вышедшего из них не раз к подъему и расцвету. Необходимо пробудить в ребенке уверенность, что история русского народа есть живая сокровищница, источник живого научения, мудрости и силы. Душа русского человека должна раскрыть в себе простор, вмещавший всю русскую историю, так, чтобы инстинкт его принял в себя все прошлое своего народа, чтобы воображение его увидело всю его вековую даль, чтобы сердце его полюбило все события русской истории... Мы должны освоить волею наше прошлое и волею замыслить наше будущее. Мы должны почувствовать окрыленные слова Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие». И еще: «Клянусь вам моею честью, что я ни за что на свете не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь». При этом национальное самочувствие ребенка должно быть ограждено от двух опасностей: от националистического самомнения и от всеосмеивающего самоунижения. Преподаватель истории отнюдь не должен скрывать от ученика слабых сторон национального характера, но и в то же время он должен указать ему все источники национальной силы и славы. Тон скрытого сарказма по отношению к своему народу и его истории, должен быть исключен из этого преподавания. История учит духовному преемству и сыновей верности, а историк, становясь между прошедшим и будущим своего народа, должен сам видеть его судьбу, разуместь его путь, любить его и верить в его призвание. Тогда только он сможет быть истинным национальным воспитателем.

8. Армия. Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства; полот моей родины; воплощенная храбрость моего народа; организация чести, самоуверенности и служения – вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем. Ребенок должен научиться переживать

успех своей национальной армии как свой личный успех; его сердце должно сжиматься от ее неудачи; ее вожди должны быть его героями; ее знамена – его святынею. Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает своею. Дух воина, стоящего на страже правопорядка внутри страны и на страже родины в ее внешних отношениях, – отнюдь не есть дух «реакции», «насилия» и «шовинизма», как думают иные даже до сего дня. Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, – родина останется без обороны, государство распадется и нация сойдет с лица земли. Преподавать ребенку иное понимание – значит, содействовать этому распаду и исчезновению.

9. Территория. Русский ребенок должен увидеть воображением пространственный простор своей страны, это национально-государственное наследие России. Он должен понять, что народ живет не для земли и не ради земли, но что он живет на земле и от земли; и что территория необходима ему, как воздух и солнце. Он должен почувствовать, что русская национальная территория добыта кровью и трудом, волею и духом, что она не только завоевана и заселена, но что она уже освоена и еще недостаточно освоена русским народом. Национальная территория не есть пустое пространство «от столба до столба», но исторически данное и взятое духовное пастбище народа, его творческое задание, его живое обетование, жилище его грядущих поколений. Русский человек должен знать и любить просторы своей страны: ее жителей, ее богатства, ее климат, ее возможности так, как человек знает свое тело, так, как музыкант любит свой инструмент, так, как крестьянин знает и любит свою землю.

10. Хозяйство. Ребенок должен с раннего детства почувствовать творческую радость и силу труда, его необходимость, его почетность, его смысл. Он должен внутренне испытать, что «труд» не есть «болезнь» и что работа не есть «рабство»; что, наоборот, труд есть источник здоровья и свободы. В русском ребенке должна пробудиться склонность к добровольному, творческому труду, и из этой склонности он должен почувствовать и осмыслить Россию как бесконечное и едва початое трудовое поприще. Тогда в нем пробудится живой интерес к русскому национальному хозяйству, воля к русскому национальному богатству, как источнику духовной независимости и духовного расцвета русского народа. Пробудить в нем все это – значит, заложить в нем основы духовной почвенности и хозяйственного патриотизма.

Таков дух национального воспитания, необходимый русскому и каждому здоровому народу. Задача каждого поколения состоит в верной передаче этого духа, и притом в формах возрастающей одухотворенности, национального благородства и международной справедливости. Только на этом пути к человечеству удастся соблюсти священное начало родины».

Заключение

Уральский менталитет – смыслообразующая проблема краеведческого движения «Каменный пояс». Исследование уральского менталитета – это инновационная и инвариативная часть любой другой конкретной программы краеведческого образования и воспитания. Во всех конкретных направлениях краеведче-

ской, ураловедческой работы должна быть некая единая сверхзадача, сверхцель, позволяющая понять, а ради чего ведется эта работа?

Весной 1997 года в нашей области стартовало подростково-юношеское краеведческое движение «Каменный пояс» Государственного образовательного учреждения дополнительного образования Центра дополнительного образования «Дворец молодежи».

Главная особенность этого молодежного краеведческого Движения – его краеведческие идеи изначально гражданственны и патриотичны.

Девиз Движения – «Мы – уральцы» вписывает нас, представителей уральского региона, связавших свою жизнь и судьбу с Уралом, в систему очень сложных взаимосвязей, взаимодействий с природой, государством, обществом, друг с другом в процессе созидательного освоения уральского региона как «территории жизни». В центре этой системы – мы сами: действующие лица российской и уральской прошлой и настоящей жизни, участники многих больших и малых событий, которые происходили и происходят на российской и уральской земле.

Стать мировоззренческой основой этих взаимоотношений и призвано краеведение. Краеведческие исследования устанавливают на основе конкретных событий, ситуаций, фактов духовно-нравственные связи и взаимодействия между прошлыми и идущими им на смену поколениями людей, которые относятся к территориальному сообществу, издавна объединенному устоявшимся укладом жизни и сложившимися духовно-нравственными традициями.

Краеведение как наука обобщает духовный и жизненный опыт прошлых поколений, изучает законы преемственности поколений на генетическом и социальном уровне с целью сохранения на основе исторической памяти и ответственности созидательной творческой жизни данного сообщества.

Уральский народ (правомерно называть как сообщество, живущее на уральской территории) составляют представители региональных социальных групп, профессий, люди разных возрастов, национальностей. Крылатыми стали выражения: «Уральский характер», «Урал – опорный край державы», «Седой Урал кует победу».

То, что на уровне обыденного сознания называют «уральский характер», философская наука определяет как «ментальность», менталитет.

Каким же менталитетом и ментальностью обладаем мы, уральцы? Ответ на эти вопросы может дать краеведческое Движение подростков и юношества «Каменный пояс».

Концепция движения исходит из понимания: краеведческая деятельность подростков и юношества является уникальным, универсальным средством развития личности молодых людей, их гражданского становления.

Главная концептуальная идея программы обращена к юным уральцам как будущим рачительным хозяевам своего региона: именно они, повзрослев, получают Урал в пользование от старших поколений как «территория своей жизни» и становятся активными участниками позитивных преобразований на уральской земле. Смысловой, структурообразующей основой «Каменного пояса» является заявленная в нем программа «Уральский менталитет».

Ее содержание должно войти в главные краеведческие направления программы: «Природа Урала на рубеже III тысячелетия», «Историческое краеведе-

ние», «Проблемы сел, малых и больших городов», «Дружба народов», «Этнокультурное взаимодействие» и др. Предполагается, что результатом многосторонней краеведческой деятельности подростков и молодежи – образовательной, просветительской, собирательной, исследовательской, туристской, организационно-массовой как раз и предстанет уральский менталитет, как совокупность специфических свойств, качеств, отличающих умственный, духовно-психологический склад людей, живущих на уральской территории, от представителей других российских регионов.

Менталитет этот сложился в течение многих веков как накопленный результат пассионарных (сверхнапряженных) физических и духовных затрат уральцев, неизбежных в сложных условиях исторического и социального развития данного региона, особым образом повлиявших на формирование «уральского народа».

След, ведущий к духовному обновлению и возрождению найти необходимо и возможно. И мы найдем его в краеведческих экспедициях, в краеведческих исследованиях. Уральский край – благодатная почва для этих поисков!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. // Новый мир. – 1988, № 7,9.
2. Архипова Н.П. Как были открыты Уральские горы. – Свердловск. – 1990.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990.
4. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995.
5. Булгаков С.Н. Тихие думы. – М.: Республика, 1996.
6. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993.
7. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб.: Литера, 1996.
8. Иванов В. Родное и Вселенское. – М.: Республика, 1994.
9. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993.
10. История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М., 1989.
11. История Урала в период капитализма. – М., 1990.
12. Как возродить духовность общества и спасти культурное наследие России: Тезисы. – Пенза, 1992.
13. Каменный пояс: Тезисы конференции. – Екатеринбург, 1997.
14. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
15. Кондаков И.В. Введение в русскую культуру. – М., 1995.
16. Королева К.П. Семейное воспитание и школа в России: Пособие для педвузов. – М.: АО «Капитал и культура», 1994.
17. Королева К.П. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М.: Экономика, 1993.
18. Культура и этноэтика: Этнические мифы и культурные универсалии: Материалы международной конференции: Вып. 2. – Киев, 1994.
19. Лифшиц Р.Л. Духовность и бездуховность личности. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1997.
20. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991.
21. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994.
22. Лотман Ю.М. Беседы о русской литературе: Быт и традиции русского дворянства. – СПб.: Искусство, 1994.
23. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры. – М., 1994.
24. Матвеев А.К. Географические названия Урала. – Свердловск, 1980.
25. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – М., 1994.
26. Мысли о душе: Русская литература XVIII века. – СПб: Наука, 1996.
27. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991.
28. Нравственный прогресс и личность. – Вильнюс, 1976.
29. Орлов Б.В., Эйнгорн Н.К. Духовные ценности: проблема отчуждения. – Свердловск, 1993.
30. Пессоа Ф. Лирика. – М., 1978.
31. Пропп Я. Исторические корни русской сказки. – М., 1982.
32. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. – М.: Политиздат, 1989.

33. Русская национальная идея: духовное наследие и современность. – Екатеринбург, 1997.
34. Русский космизм. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.
35. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1989.
36. Адам Смит. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997.
37. Современная западная философия: Словарь. – М., 1991.
38. Современный словарь иностранных слов. – Русский язык, 1992.
39. Сплетались времена, сплетались страны: Вып. 2 – Екатеринбург, 1997.
40. Судьба России: духовные ценности и национальные интересы. – Екатеринбург: УрГУ, 1996.
41. Судьбы российского крестьянства. – М., 1997. – (Серия: «Россия. XX век).
42. Толстой Л.Н. Путь жизни. – М.: Республика, 1993.
43. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни: Россия в ее иконе. – М.: Республика, 1994. – С. 269-292.
44. Урал. XX век. – Екатеринбург, 1997.
45. Федоров Н. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах восстановления родства: Соч. Т. 1. – М.: Прогресс, 1995.
46. Федоров Н. Супраморализм или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение): Соч. Т. 1. – М.: Прогресс, 1995.
47. Федоров Н. Нравственность – не барство и не рабство, а родство: Соч. Т. 3. – М.: Прогресс, 1995.
48. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – СПб: София, 1992.
49. Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская духовная вера по духовным стихам. – М.: Прогресс: Гнозис, 1991.
50. Философско-психологические проблемы развития образования. – М., 1981.
51. Франк С.Л. Крушение кумиров: Соч. – М.: Правда, 1990.
52. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
53. Франк С.Л. Русское мировоззрение: Сборник: Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
54. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992.
55. Фромм Э. Человек для себя: Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993.
56. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994.
57. Эйнгорн Н.К. Урал – опорный край державы: нравственный потенциал: Тезисы конференции «Урал на пороге третьего тысячелетия». – Екатеринбург, 1997.
58. Эйнгорн Н.К. Проблема оправдания в русской нравственной философии: смысл и воплощение // Русская национальная идея: духовное наследие и современность: Сборник. – Екатеринбург, 1997.
59. Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность: Пособие для учащихся 10-11 классов. – М.: Интерпракс, 1994.
60. Ясперс К. Духовная ситуация времени: Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994.

В помощь педагогу

Любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству.

Н.М.Карамзин

Любовь к Родине начинается с семьи.

Ф.Бэкон

Лучшее средство привить детям любовь к Отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.

Ш.Монтескье

Любовь к Отечеству должна исходить из любви к человечеству, как частное из общего.

В.Г.Белинский

Чем более мы будем национальны, тем более мы будем европейцами (все-человеками).

Ф.М.Достоевский

Любовь к Отечеству совместима с любовью ко всему миру.

К.Гельвецкий

Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду...

В.А.Добролюбов

Кто не любит своего народа, тот не любит и чужого.

Осетинский афоризм

Ненавидеть интернационализм – не знать и не чувствовать силы национальной.

А.А.Блок

Патриотизм

Нравственная обязанность настоящего патриота – служить народу в человечестве и человечеству в народе.

В.С.Соловьев

Без подлинной любви к человечеству нет подлинной любви к Родине.

А.Франс

Любовь к Отечеству совместима с любовью ко всему миру.

К.Гельвецкий

Патриотизм – последнее прибежище негодяев.

Л.Н.Толстой

(Важное предупреждение о возможности спекуляций и корыстного использования чувства патриотизма – Н.Э.).

... Нападки... на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм.

В.Г.Белинский

Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее – только бы ее не обманывать.

И. Ф. Чаадаев

Прежде всего, ты обязан своей родине, как и своим друзьям – правдой.

И. Ильин

Патриотизм следует поставить на первое место, вселенское гражданство – на второе.

И.И.Ильин

Любовь к родине есть творческий акт духовного самоопределения...

И.И.Ильин

Гражданин. Гражданственность.

Нравственный человек – истинный гражданин жизни.

Т.Минн

Кто не сделался, прежде всего, человеком, тот плохой гражданин.

В.Г.Белинский

Тот, кто не знает границ своим желаниям, никогда не станет хорошим гражданином.

В.А.Сухомлинский